

РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
Михаила Саакашвили

ЛАЛИ МОРОШКИНА

ПРЕЗИДЕНТ
и чемпион мира

Я

Тайны политики

Лали Морошкина

Я, президент и чемпион мира

«АСТ»

2016

УДК 82-94
ББК 84(2)6

Морошкина Л.

Я, президент и чемпион мира / Л. Морошкина — «АСТ»,
2016 — (Тайны политики)

«Я, президент и чемпион мира» – это книга-автобиография, книга – свидетельство очевидца о Михаиле Саакашвили – одной из самых спорных фигур грузинской политики. Школьная подруга бывшего президента Грузии, Лали Морошкина, рассказала о скандальном пути становления Саакашвили в большой политике. Лали Морошкина – грузинский журналист и правозащитник. В эпоху Шеварднадзе она занимала должность заместителя министра по особым делам, а после ухода Михаила Саакашвили работала главным советником министра по исполнению наказаний.

УДК 82-94
ББК 84(2)6

© Морошкина Л., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Грузия Лали Морошкиной	6
Школа	7
Красный галстук	11
Первая любовь	13
Отец	17
Кети	22
Вера	26
Похищение	29
Гарантия неприкосновенности	36
Экзамен	40
Марикуна	42
9 апреля	47
Побег	50
«Песочные часы»	52
Талес	57
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Лали Морошкина

Я, президент и чемпион мира

Книга посвящается погибшим в братоубийственных войнах – парням и девушкам моего поколения.

Лали Морошкина

Всё обнажённое прекрасно, лишь раздетое смешно.
Юкио Мисима (1925–1979)

© Лали Морошкина, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Скажу сейчас же: – это литература, и чтоб ее написать, ты сам же должен все пережить, и только после этого у тебя будет право на рассказ.

Каждая книга так же похожа на своего писателя, как и ребенок похож на своего родителя или близнец на своего двойника.

Если спросить меня, это автобиография, соединенная разными художественными пассажирами, и очень смелая.

Переполненная правдой, и поэтому мало кто посмеет поделиться своим мнением о книге, тем более высказать положительное мнение.

Время очень ужасное и беспощадное, даже тогда, когда мир спокоен, тем более сейчас, когда весь сегодняшний мир полон боязнью и угрозами, когда каждый день проходит в ожидании плохого.

Да, чтобы написать то, что я прочитал, требуется талант!

Французы говорят: «Талант это авантюра». В этой книге немало интриги, но это с достаточным мастерством перенесено на бумагу.

Для меня очень интересны параллели с персонажами разных времен, которые прямо, почти без подтекстов, подсказывают нам, что можно написать из-за вины людей (с определенным талантом и смелостью). Исходя из чего, будущее поколение будет обсуждать, где мы жили и как мы жили.

Кто? Кто напечатает эту книгу???

Именно здесь появляются три вопросительных знака. С одной стороны, я уверен, она прямо придет к читателю, хотя бы потому, что в ней запечатлено то время, в котором живет сегодняшняя Грузия.

Реваз АМАШУКЕЛИ

9 апреля 2012 года

Грузия Лали Морошкиной

РАМАЗ САКВАРЕЛИДЗЕ

Политолог, доктор психологических наук

Звонок по мобильнику заставил меня остановить машину. «Слушаю!» «Батоно Рамаз! Не удивляйтесь, я Лали Морошкина. Хочу сделать вам предложение. Когда мы сможем поговорить?» Звонок звонком, но о каком предложении речь? Написать рецензию на книгу. «Лали, генацвале, я не литератор. Это гораздо лучше сделают другие. Я и так берусь за много таких дел, которые меня не касаются...» Но моя уловка не удалась. Лали от своего не отступала. «Мне как раз важно, что вы профессиональный психолог, хочу, чтобы читатель посмотрел на книгу вашими глазами». Моими глазами?! Знает ли Лали, что я хорошо отношусь и к ней, и к тем людям, о ком идет речь в книге? Видимо, ей и нужна была эта благожелательность и доброта. Ну, как я мог отказать. Вот почему я согласился написать эту рецензию, и пусть простит меня читатель за эту наглость.

Два дня у меня были заняты. Вечером третьего я открыл книгу, открыл и больше не закрывал, прочитав ее до конца на одном дыхании. В ней настолько живые картины, что кажется, будто смотришь фильм. Это чувство возникло и потому, что я видел подобный фильм. Осознание пришло позже – книга оставляет вкус «Амаркорда» Феллини. Ты будтоходишь в огромную веселую и шумную людскую галерею, где самая веселая и шумная – сама Морошкина. Она не зритель в этой галерее, а ее центр. И, что главное, в этой галерее нет плохих людей, в каждом найдены красота, доброта и оправданы человеческие слабости. Именно это большое тепло делает книгу исключительно грузинской.

Грузинское, Грузия – одна из важнейших тем этой книги, один из персонажей. Как у всех персонажей этой книги, и у нее есть сердечная боль, радость и любовь. И какая это Грузия. Не историческая, а та, с которой каждый из нас перенес все перипетии периода от Советской власти до наших дней. (Литературное описание этого периода – большая редкость). Это книга, в которой увидят Грузию и ее жителей не только нынешние читатели, но и наши потомки. Да и не только наши соотечественники. Очень серьезные исторические и аналитические пассажи сблизят с Грузией любого заинтересованного иностранца. Молодец, Морошкина!

Литературоведы, наверное, затруднятся в точном определении жанра, в котором написана эта книга. Казалось бы, ясно, что мы имеем дело с мемуарами. Но если не думать, что за каждым именем стоят реальные люди, книга читается как захватывающий роман. Я не буду уточнять нюансы жанра (и так много взял на себя), могу только поделиться эмоциями. Вот увидите, как только закроете эту феерическую книгу, ее персонажи продолжают пребывать с вами, потому что не полюбить Грузию Лали Морошкиной просто невозможно.

* * *

Книга Лали Морошкиной – уже акция. Это новация для Грузии, хотя на Западе и в России такое уже делалось, а сейчас и грузинские читатели могут насладиться этим. Умная женщина с яркой внешностью и волевым характером всегда привлекала сильных мира сего. Учитывая личные и политические контакты Лали, книга «Я, президент и чемпион мира» является сенсацией, способной взбудоражить общественность. Могу лишь добавить, что книга обречена на успех!

Тина Канделаки

Школа

Первого сентября 1975 года Тбилисская первая республиканская экспериментальная средняя школа, широко раскрыв «украшенные» провололочной сетью металлические ворота (между прочим, именно эта деталь никак не могла заставить вычеркнуть из моей памяти идентификацию школы с виденным в кинофильмах о Великой Отечественной войне концентрационным лагерем), ожидала новобранцев 1968–1969 года рождения.

Обилием «Волг» и «Чаяк» школьный двор больше походил на открытие XXVI съезда КПСС, чем на праздник по случаю приема нового потока учащихся, по той простой причине, что, по мнению сильных мира сего, именно эта школа давала «должный» уровень, формировала «нужный» круг и порождала «здоровые» амбиции для того, чтобы увидеть в ярком свете перспективы счастливого будущего.

Между прочим, в то время никто ещё не знал, что пройдут годы и «золотую доску почёта» именно этой школы украсят Михаил Саакашвили (президент Грузии), Зураб Жвания (трагически ушедший из жизни экс-премьер-министр страны), Ирина Саришвили (экс-вице-премьер), Нино Джангирашвили (владелица оппозиционного телеканала «Кавказия»), Каха Шартава (сын трагически погибшего во время грузино-абхазского конфликта национального героя Грузии Жиули Шартава, лидер политического движения «Гражданский форум»), Манана Козакова (дочь Михаила Козакова, ведущая актриса Тбилисского академического драматического театра имени Коте Марджанишвили), Закария Куцнашвили (юрист, руководитель неправительственной общественной организации), Марина Салуквадзе (искусствовед, тележурналист), Тея Демуришвили (прима Мадридского оперного театра), Лаша Надаишвили (издатель газеты «Асавал-Дасавали») и многие другие...

Я так крепко держалась за мамину руку, что очень скоро на ее не меньше моей дрожащей хрупкой руке были ясно видны следы моих крохотных пальцев, ведь мне было только пять лет. Боялись мы обе: мама – трудной, весьма специфической грузинской обстановки, ну, а я совершенно нового и неизвестного этапа моей жизни.

Дело в том, что моя мама – Манана Каркаршвили – совсем недавно, буквально несколько лет назад, переехала в Тбилиси из Сочи по настойчивой просьбе главы нашего рода бабушки Аграфены и, соответственно, не очень «шпрыхала» по-грузински, но у дочери «престижных» родителей заведующей аптекой Наны Учадзе и министра Арчила Каркаршвили, да к тому же супруги ученого Талеса Шония (мой отчим) снобистский выбор был предопределен заранее. Что касается моего отца, он появился в моей жизни значительно позже.

Итак, после небольшой вступительной речи и здравниц в честь великих коммунистических принципов и идеалов мы, первоклашки, как растерянные гуси, разошлись по классам.

Первая учительница – уникальный феномен! И если в моей жизни (благодарение Господу!) было много добра и чудес, то одно из них – госпожа Лейла Кинцурашвили, или, если точнее, Лейла-масц. (сокращенно от «масцавлебели» – учитель, как принято обращаться к педагогам в грузинской школе. – Л.М.).

Добродетельная, миловидная и терпеливая, она отвечала на читаемые в наших глазах страхи и недоверие любовью и мудростью.

После первого же прочтения списка учащихся была предопределена моя судьба.

– Морошкина, Лали. Русская. Ты откуда, милая?

Я грузинка, ответила я, не поняв, почему учительница выделила меня из 45 детей, задав такой странный вопрос. На задаваемый в последующей жизни в разных тональностях этот вопрос я, наверное, миллион раз отвечала, повторяла и даже кричала:

– Я грузинкаааааааа!

Красный галстук

Наверное, у каждого учащегося в его школьной летописи особое место занимает буфет. Много лет я пыталась объяснить «тайну» школьного питания. К каким бы изощрённым способам не прибегала моя мама, овладеть кулинарным чудом, называемым «школьная котлета», ей так и не удалось. А чуть подслащённые коржики и «язычки» – так это и вовсе было праздником вкуса.

Вероятно, сегодня всё это такой же раритет, как красный пионерский галстук.

Звонок на большую перемену и «армагеддон» в школьном буфете совпадали по времени. Каждый как мог старался протиснуться к заветному кусочку лакомства, передвигаясь в основном по конечностям друг друга. Оставшееся до звонка на урок время заполнялось такой «сверхинтеллектуальной» игрой, как «Здравствуй, осел!» Правила игры были столь же простыми, как все гениальное на этом свете. В частности, ребята, перевоплощаясь в ослов, словно всадники на импровизированном «животном», перепрыгивали через препятствия. «Ослом» был тот, кто оставался последним.

Я и моя школьная подруга (мы дружили с первого класса), голубоглазая и румяная блондинка Марина Салуквадзе, затаив дыхание, следили за развлечениями «старших». Марикуна, как мы ее ласково звали, не жаловалась ни на габариты, ни на аппетит и безостановочно что-то жевала, причем с таким наслаждением, что сидящий за нашим столом пятиклассник время от времени пощипывал ее пухленькие щечки.

В этом шуме, гаме, пыли и переполохе особым озорством отличался один мальчик, чьи изумрудные глаза маленькими дельфинчиками выплывали в общей кутерьме, останавливая взгляд на ком-либо из присутствующих. На сей раз его взор был прикован к нашему сотрапезнику.

– Эй, Мишка, что ты с девчонками болтаешь, давай к нам, проигрываем ведь... – орал «принц из грязи».

– Да отстань ты, знаешь, каким перепачканным я вчера домой вернулся?

– Вах, что за чистюля, ты что, в оперу собрался! Иди, подсоби, а то век не отыграемся! – И зеленоглазка опять исчез в толпе потных сорванцов.

И почему я обратила внимание на цвет его глаз?

– Мальчик, как тебя зовут? – не вытерпела я и первая заговорила с предметом интереса играющего мальчика.

– Я Мишико Саакашвили, а ты?

– Я Лали Морошкина, а это Марина Салуквадзе, просто Марикуна.

– Морошкина? Ва, русская, здесь откуда?

– Оттуда, – сказала я и повернулась к нахалу спиной.

– Хорошо, хорошо, да пошутил я. Ты в каком классе?

– В третьем, – с гордостью ответила я и с завистью посмотрела на его алый чистенький галстук. Он уже пионер! Скорее бы прошли два года...

– И Марина в третьем? – спросил явно удивленный Мишико.

– Да, и Марикуна.

– Уф, я-то думал, что она старше. Видимо, и вправду у неё отменный аппетит, – засмеялся наш новый знакомый.

Марикуна тем временем азартно болела за мальчишек, а наш разговор ее совершенно не волновал.

– Ну давай же, Нукри, давай, покажи класс этим балбесам из шестого «а», – кричала растрёпанная Марикуна и размахивала зажатым в правой руке бантом, который всего пару минут назад украшал её длинную косу.

Тем временем в моей голове вертелась лишь одна мысль: кем был этот сказочный изумрудоглазый принц в разорванной сорочке, испачканной в грязи, есть ли у него возлюбленная, и вообще, как было бы здорово находиться рядом с ним в буфете каждый день...

– Познакомься, это мои новые подружки – Лали и Марикуна, – опустил меня, витающую в мечтах, на землю голос Мишико.

– Я Нукри Чаганава, – грубо сказал поверженный в поединке рыцарь, отобрал у Мишико дважды надкушенную котлету, уполовиненный коржик и сразу перешел к делу.

Э, парень, какое время заниматься этими молокососками, мы же проиграли!

– Подумаешь, сегодня проиграли, завтра выиграем, вот принесу сменную одежду и покажем им, «где раки зимуют», а то мне вчера здорово от мамы влетело!

– Давай, брат, а то ведь знаешь, потом не вылезем из челюстей «стариков», домой-то через «биржу» возвращаться (места толковищ «золотой молодежи» Тбилиси в советское время. – Л.М.). Да, кстати, ты деньги принес?

– Какие деньги? – спросил Мишико с явным удивлением.

– Вот бестолочь! Ты что, забыл, мы должны отдать их Чхаидзе. А не то увидишь, как они устроят нам «В гостях у сказки!»

– Пойдем, Лали, звонок уже прозвенел, – доставала меня Марикуна.

Я с трудом волочила ноги к выходу. Тем временем в буфете исчезали в пыли силуэты свекольного от натуги растрепанного Нукри и жующего концы алого галстука возбужденного Мишико.

Первая любовь

В школе царила необычайная суета. Шло приготовление к 1 мая, школьное торжество ежегодно вносилось в перечень обязательных праздничных мероприятий второго полугодия, к которым, естественно, готовились и мы. На сей раз подготовка отличалась особым усердием. Дело в том, что в Грузии, в частности, в Тбилиси, а ещё конкретнее – в нашей школе, гостили партийная элита ГДР и передовой педколлектив советских учителей.

Гости из Германии щедро раздаривали прошедшим инструктаж ученикам сладких мишек «Харибо» и жевательные резинки, а заодно практиковали наш немецкий, ведь мы являлись подопытными кроликами в спецшколе широкого профиля! Наши ученики, недурно подкованные на мероприятиях подобного рода, не терялись и в свою очередь скороговоркой выпаливали переведенный на «передовые» языки мира коммунистический шедевр Маяковского «Паспорт».

Правда, никто не понимал друг друга, но это мало кого беспокоило. Главное, контакт, худо ли, бедно, состоялся. Нервный заряд достиг своего пика. Учителя, как оголтелые, бегали за сладостями и выпивкой для банкета, ведь делегацию требовалось ещё и задобрить, а там, гляди, и Государственная премия не за горами.

Мы же, младшеклассники, как наиболее «покорный электорат», принимали молчаливое участие в этом помпезном мероприятии. Впрочем, «молчаливость» была лишь внешней, наше подсознание рождало множество вопросов, но юный мозг не давал готовности к ответу. Наверное, именно подобные моменты называют «собираанием истины по крупице».

Мы с моим зеленоглазым рыцарем сидели рядом. Мне нравилось ощущать его дыхание, смешанное с табаком, и вызванные неловкостью юношеские телодвижения, направленные то к Мишико, то к моим подругам Марикуне и Кети. Несмотря на то что «чесание языками» сидящей за нами «троицы» не прерывалось ни на минуту, а предмет их бурной фантазии был всем известен, я, совершенно отрешенная, охваченная от мозга до костей каким-то новым чувством, уже виртуально стояла у сцены, жадно впитывая каждое слово и представляя себя каждым из персонажей.

На сцене актового зала появился чернявый, с горящим взглядом юноша. Неожиданно для всех прозвучал его литературный выбор:

«На страже боевых знамён»

На скале уже нет дворца,
Возведённого встарь народом...
Кто не видел его конца? —
Падал свод за высоким сводом.
Истребляющего огня
Ненавистная сила крепла.
И остались на склоне дня
Только камни да груда пепла.
На скале сад зелёный рос,
Ключ струился в зелёной чаще.
Сад увял, и не видно роз,
Высох в пламени ключ звенящий...
Сад засохший, умолкший стих...
Лишь бездомного ветра шорох
На дорожках, давно глухих,
Да листвы пожелтевшей ворох.

Осень ранняя так грустна —
И знамёна как будто немые.
А недавно цвела весна,
На знамёнах цвели эмблемы.
Но у тех боевых знамён
Власть волшебная, власть всё та же.
Их храню для иных времён,
Неотступно стою на страже.

— Нукри, это чьи стихи? — спросила я.

— Тссс... — приложил к губам указательный палец мой изумрудоглазый рыцарь. — Это Галактион! (Галактион Табидзе — великий грузинский поэт XX века. — Л.М.)

— Аа, — многозначительно и гордо прошептала я, будто Галактион посвятил свой самый выдающийся шедевр — стихотворение «Мэри» моей бабушке.

— Я не знаю этого парня. Он твой одноклассник? — тараторила я дальше.

— Нет, это Зураб Жвания из девятого класса, но, несмотря на разницу в возрасте, мы с ним дружим, к тому же, он мне очень помогает на республиканских контрольных работах. Вроде он сегодня собирался читать совсем другое стихотворение... и вообще, он большая душка. Лали-бали («бали» по-грузински черешня. — Л.М.), ты всегда говоришь безостановочно?

Я в замешательстве опустила голову, потом поняла, что в такой мученической позе мне долго не продержаться, и высунула язык, так широко разинув рот, что Нукри были видны обе мои миндалины.

Грубо вытуренные из актового зала, мы ещё долго слышали патриотические строки Ильи Чавчавадзе, с закрытыми глазами и искренне, проникновенно исполняемые Лашей Надареишвили:

О мать Божья! Отчизна – твой удел...
Заступницею будь истерзанного края!
Прими как жертву кровь, которую картвел
Столь щедро проливал, в страданиях погибая.
Довольно этих мук для Родины моей,
Верни моей стране стремление ко благу,
Даруй ей бытие далеких славных дней,
Вдохни в сердца сынов отцовскую отвагу!

– Лали-бали, пойдешь за меня замуж? – услышала я заплутавшие между грузинской классикой и душевной болью слова. – Обещай мне, что бы ни произошло, ты меня дождешься и нашему сыну дашь бессмертное имя великого полководца Александра Македонского!

– Македонского? Ты что, сдурел? Ну при чём тут Македонский? А может, попросту Сандриком назвать, ну в смысле в духе времени. Что за мания величия у тебя?

– Ладно, твоя взяла, представляешь, как нашим внукам будем рассказывать, какими клёвыми и крутыми мы были в молодости, обалдеть!

– Нукри, послушай, а твой отец, часом, не обидится? На что?

– На то, что вопреки кавказским обычаям первого внука не назовут его именем?

– Лали-бали, ну какая ты дурочка, как ты могла такое подумать? Тебя же все любят. А давай-ка детей назовем твоим именем. Посмотри, как звучит: «Лали первая, Лали вторая» и так далее... – хохотал Нукри и параллельно ударял кулаком по школьному портфелю.

– Ты debil, настоящий debil, я хочу домой, – безапелляционно заявила я и быстрым шагом направилась к дому.

– Ты что, и вправду обиделась? Ну, хорошо, назовем его, как хочешь, хотя бы Виктором. Это ведь имя твоего отца? Давай сделаем ему такой подарок, – стонал Нукри, с трудом сдерживая смех вперемишку со слезами.

Слова эти, словно выстрел, поразили мое сердце. Виктор – мой отец? Как объяснить этому избалованному жизнью, самодовольному сынку чиновника высокого ранга, что я, его первая любовь Лали Морошкина, не знаю своего отца, известного педиатра, первого генетика в Грузии Виктора Морошкина – просто не знаю, не знакома, не видела, понятия не имею, какой он, что любит и что ненавидит, как он выглядит, чем дышит, просто не знаю, и всё!

Отец

Что может быть более неадекватным в тринадцатилетнем возрасте, чем первая любовь? Столько вопросов возникает одновременно! Может, он не понравится маме? А, может, я – маме Нукри? Да еще с русской фамилией? У мегрелов (жители региона в Западной Грузии. – Л.М.) ведь национальный вопрос особенно обострен, правда, они городские, может быть, пронесет...

Первый тест был почти пройден. Я и калбатони Лия, Нукрина мама, болтали на кухне, вернее, я болтала, а она мило улыбалась. Спелая, сочная клубника так и таяла в руках – оказалось, что черенки ягод срываются круговыми движениями! «Черт побери, почему я не должна была знать об этом раньше, какое месиво получилось, только на джем и пускать. Вот приду домой и устрою маме...» – ворчала я про себя, с ног до головы выпачканная пурпурными ягодами.

Те, кому знакома подобная ситуация, наверное, согласятся, что даже если вы были бы самым известным итальянским шеф-поваром с миллионом наград и двадцатилетним стажем, первая встреча с родней возлюбленного обязательно выбила бы вас из обычной колеи. Выбила и меня. Первая встреча со строгим заместителем министра транспорта Лери Чаганавы завершилась «продуктивным фиаско». Полная сочных ягод клубники миска не нашла адресата.

Родители Нукри сочли это делом житейским, а красные клубничные пятна на новом ковре – импрессионизмом. Так установился наш первый контакт длиной в жизнь...

Жизнь это шахматная доска, где фигуры последовательно сменяют друг друга. Настало время и моего хода. В игре не хватало лишь одной фигуры – моего отца, биологического родителя, с такой редкой для Грузии, но для меня до боли родной фамилией Морошкин.

Я, мама, брат и Талес жили в Сабуртало на Будапештской улице, в доме, построенном немецкими военнопленными.

После короткого блицопроса с мамой стало известно не только месторасположение жилища папы, но и адрес его работы – республиканской больницы, находившейся прямо под носом, буквально в двух шагах от нашего дома. Ведь молодой отец, да к тому же врач – мечта многих подростков, не правда ли?

– Девочка моя, а ты, случаем, замуж не собираешься? Какое время знакомиться с родителями? – со смехом спросила мама.

– При чем тут замужество? Я что, беспризорная какая-нибудь? Просто хочу, чтобы моего отца знали и я, и мои друзья.

– А Талес? Он ведь постоянно рядом с тобой. Чего тебе не хватает? И вообще, может быть, ты в конце – концов возьмешь его фамилию? Всё-таки жить в Грузии с русской фамилией как-то некомфортно.

– Мама, прошу тебя, ну не начинай заново, мы об этом уже говорили сотни раз. И ты прекрасно знаешь мое мнение обо всем этом. Да, Талес свойский, я называю его папой и люблю, как отца, но у меня есть право знать настоящего! Мне это необходимо, пойми! Ну а о смене фамилии чтоб и речь не заходила! – Я была категорична.

Знаю, что подобные разговоры разбивали маме сердце, но по-другому я не могла. Это был мой собственный выбор, выбор взрослого человека. Стечение обстоятельств не ставило меня перед подобным выбором, но ответ был всегда прост: нет!

Мне не давал покоя лишь один деликатный вопрос: ну почему мною, такой маленькой, хрупкой, отличницей, танцовщицей, фехтовальщицей, ведущей на единственном тогда телеканале юношеской передачи «Изучим русский язык» и, в конце концов, первой дочкой

– «умницей-красавицей», ну ещё и чуточку хвастливой, не интересуется отец, мой собственный отец! Ну почему, чем я хуже других?

И когда это я получала ответы легко и просто? Для достижения цели я запланировала в ближайшем будущем «крестовый поход» в республиканскую больницу, где работал отец.

О, сколько раз я проводила виртуальные репетиции! Как красиво одетая, с вплетенной в косу золотой тесьмой, широко открываю двери отцовского кабинета и громко, во всеуслышание, говорю: «Здравствуй, папа! Я твоя старшая дочь. Где ты был до сих пор? Неужели тебе ничего не интересно знать обо мне?» Потом он тоже заплачет, прижмет меня к груди, и так, прижавшись друг к другу, мы проживём всю жизнь вместе, и на этом свете будет целых двое Морошкиных! Хотя нет, у меня ведь есть и сестры? Как интересно будет с ними познакомиться! Четверо Морошкиных – это ведь целая команда по мини-футболу!

Как и все заранее запланированное в моей жизни и эта фантазия не получила визу на въезд в бытие... Всё разрушилось, как картонный домик.

* * *

В коридоре больницы молодой человек с кофейной чашкой и сигаретой в руке пытался поправить криво повешенный на больничную стену пейзаж сомнительной художественной ценности.

– Простите, где тут кабинет Виктора Морошкина? – спросила я, и он обернулся...

Чувства, которые тогда меня охватили, не были похожи ни на что, – на меня смотрела Лали, только в мужском обличье и немного старше. На меня смотрела моя копия, или я была его копией? Короче, не знаю...

– Лалка, это ты? – по-домашнему тепло спросил незнакомец и бесцеремонно взлохматил мои волосы.

– Я, – пробормотала я и по возможности собрала с силами, ведь главная миссия была еще не выполнена.

Я ждала ответа на самый главный вопрос своей жизни! Ответ оказался необычайно лаконичным:

– Знаешь, дорогая, когда твоя мама вышла замуж во второй раз, то ее новый муж так ревновал её к каждому моему приходу, что я предпочел оставить тебя в покое для вашего же благополучия, хотя я всегда знал, что когда-нибудь ты вернешься... – сказал он, нагнулся ко мне и слегка принюхался. – Все правильно, мои девочки пахнут молочком, ювелирная работа!

Это был его единственный комментарий, единственный за тринадцать лет.

Ты думал, что когда-нибудь увидишь меня? Когда-нибудь через лет 30–40? Знаешь ли ты, каково жить в семье, да и в стране, под фамилией, которая постоянно вызывает повышенный интерес, а то и враждебность? Знаешь ли ты, каково, когда мама приходит на праздник одна? Знаешь ли ты горечь того, когда не можешь принести в школу справку с места работы отца, когда тебя никто не ведет в воскресенье на шашлыки, никто не исполняет роль Дедушки Мороза на домашнем празднике, утром растрёпанную, вылезшую из теплой детской постели никто не приглашает в родительскую кровать, не заключает в свои сильные, могучие объятия и не говорит ласковым шёпотом: «Эта красивая девочка – папина дочка».

И ты не говоришь, не кричишь и не плачешь:

– Мой папа – самый сильный, он всех одолеет!

«Молочком пахну, да?» – молча протестовало мое сердце, хотя извергать яд не спешило, ведь впереди меня ждал значительно более важный момент, а свести счеты с этим самоуверенным типом я еще успела бы. Мама была права: «Он не такой, как все, не спеши, Лалико».

Но, как видно, время на сентименты для меня было уже тогда строго лимитировано, я, «вооруженная» с обеих сторон, была готова к широкомасштабной операции под названием «Моя семья» и представлению самоуверенному Нукри обоих, точнее, всех троих родителей. Несмотря на то, что биологический отец был найден и «обезврежен», большое и весьма ответственное место занимал именно Талес Шония. Ну и что? Чем больше игроков на доске, тем успешнее партия!

Итак, «игра» входила в наиболее активную фазу: «запутывание и деморализация» противника – вот что главное! Я, мама, папа и папа (так я называла и отчима) были готовы к «открытию огня», во всяком случае, таким был мой «варварский» план. Ну и что, что родители ничего и не подозревали о расставленном мной капкане. Ну и поделом некоторым!

Главным было то, чтобы папы действовали именно по моему сценарию. Ведь в фильмах именно отцы ведут невест в храм. А у меня будут двое, по обе стороны! Ох, разобьются сердца у завистников, особенно из 9а класса.

– Нукри настаивает на Александре. Но и Виктор – неплохое имя... А девочке подошло бы «Виктория»... – думала я, попавшая одновременно под поток генетики, любви и двустороннего сквозняка в голове.

Только много позднее я поняла причину раннего невроза моей мамы.

Кети

Хотя прошло уже четверть века, но меня все мучает один вопрос, – в какой больной голове родился дизайн школьной одежды? Ладно, с мальчиковой все понятно: Бог с ними, блестящими от глажки убогого качества синими костюмами, а вот автор формы для учениц должен был быть или маньяком, или педофилом, или душевнобольным. Как можно молодое, растущее тело, которое день ото дня готовится к открытию врат в новый мир, испытывает первые трепетные чувства, которое по своей чистоте безупречно красиво и неповторимо, одеть в траурный коричневый наряд, а затем, будто в подтверждение, что такого безобразия недостаточно, последним штрихом набросить на этот «шедевр» зловещий люциферовский черный передник.

Скажите мне, ну кому пришло в голову сочетание черного и коричневого! Тем более, когда речь идет не о ритуальном (свят-свят, Богородица!) обслуживании, а о внешности юной школьницы?

Исходя из всего вышесказанного, позже я осознала и то, что все, кто тогда упорно боролся с пороками коммунизма, высказывали протест и не разделяли судьбу покорных, либо не достигали зрелого возраста, либо закалялись, как сталь.

Первую группировку «повстанцев» первой экспериментальной школы возглавляла Кетеван Боколишвили. Хрупкого телосложения, шустрая, с зелеными шкодливymi глазами и длинными, черными, как деготь, волосами, она была из той интеллигентной тбилисской семьи, где отец – дядя Боря, декан политехнического института, мама – тетя Дали – педагог, отправив старшего сына Ираклия учиться в Московский университет имени М. Ломоносова, полностью сфокусированные на младшей в семье – Кетеван, нежно лелеяли своё чадо.

– Кетеван, если меня еще раз вызовут в школу, я обязательно позвоню твоему брату в Москву, и не жди потом ни подарков, ни сюрпризов! – сердилась тетя Дали.

– Ну мам, что я не учу или не читаю, просто не могу ходить в этой уродливой форме, и всё! Я ведь не покойница!

– Я тебя предупредила, и смотри, передай твоим сорокам, что я и их родителей поставлю в известность! – После этих слов конфликт был исчерпан, и Кети переходила к новому плану действий.

* * *

Директор нашей школы Нора Таризлашвили могла смело утверждать, что ее школьный сейф в те времена отличался самой уникальной коллекцией в Закавказье.

Дело в том, что замеченные в самовольничанье учащиеся проходили по утрам «коридор позора» педколлектива. Конфискации подлежали часы, кольца, серьги, ленты, цепочки, очки, шарфы, гамаши и, разумеется, крестики... Смелая и непримиримая Кети ежедневно опротестовывала изъятие крестов и усердно готовилась к яростному сопротивлению и самообороне. Крестиков Кети – металлических, деревянных, сплетенных из нитей, – вполне хватило бы на приход любой церкви. А с эстетической точки зрения, они бы украсили любой храм.

Протест Марикуны был другого рода. Недавно вернувшийся из Японии академик Миндия Салуквадзе баловал младшую дочь, постоянно одаривая небольшими сувенирами с «гниющего Запада». Как и в семье Боколишвили, чувства дяди Миндии усиливало и то, что старшая сестра Марины Манчо овладевала испанским в Московском институте имени Мориса Тореза и родители, соответственно, видели ее довольно редко. Так что любимая

дочурка папы Миндии и на сей раз пришла в школу с новыми красивыми часами. Наверное, излишне говорить, каким буржуазным демаршем выглядели эти маленькие цветные часики, которые в считанные секунды перекочевали с запястья Марикуны в сейф директора, где и обрели вечное упокоение.

Вы не поверите, но самое большое негодование педагогов вызывали красные гетры Мананы Козаковой. Дело в том, что черноволосая, как цыганка, с блестящими озорными глазами Манана, как первая ласточка, приносила весну, и в то время, когда вся школа всё еще ждала завершения морозных осадков и ходила укутанная в теплую одежду, Манана уже с конца марта сверкала привезёнными тётей из ГДР красными махровыми гетрами, из-за чего и была включена в жаркие дебаты с педколлективом.

– Козакова, опять?

– Что «опять», масц?

– Гетры в марте, да еще и красные, это же неслыханно!

– Ну и что, масц, ведь и галстук тоже красный?

– Козакова, если ты не видишь разницы между тем, что повязывается на шею, и тем, что надевается на ноги, хороши твои дела! Как ты смеешь оскорблять пропитанный коммунистической кровью великий галстук?! Завтра же приведешь мать! Завтра, ты поняла?

Мама Мананы, тётя Медея, была одной из самых красивых женщин Грузии. Не скажу, что педагоги с их бесконечными коммунистическими клише и догмами так уж жаждали часто видеть прекраснейшую Медею, но внутренний распорядок школы требовал наказания «непокорной». Порядок есть порядок! Тётя Медея особенно не спешила выслушивать очередной пасквиль на собственную дочь и оставляла на конец учебного года неприятную для обеих сторон процедуру.

У меня были длинные рыжевато-золотистые волосы, и, как «полагалось» в нашей школе, я была довольно-таки избалованным подростком. Моя бабушка Нана Еноховна часто ездила в страны социалистического лагеря и по возможности «выгуливала» и меня, тем более что за детей полагалась дополнительная валюта. Вот почему в моем ларце было множество заколок для волос, лент и других придамбасов из ГДР, Венгрии, Чехословакии и Польши. Каждую ночь, прежде чем лечь спать, я старательно заплетала африканские косички, а затем утром распускала их, волосы казались более густыми и волнистыми. Над чёлкой, как у Леси Украинки, была заплетена коса с вьющейся золотистой лентой.

После каждого моего прихода в школу очередной цербер вцеплялся в волосы, тащил меня в туалет, сперва распускал верхнюю косу, а затем мочил всю голову под ледяным водным потоком. Финальная сцена причёсывание волос, скрепление их в «конский хвост» грубой резиной, отрезанной от велосипедной покрышки, – совпадала с кульминацией истерики «огнеизвергающей» наставницы.

Изредка владельцы табуированных вещей осуществляли друг с другом «выгодный» обмен, в результате чего серьги, ленты, часы, гетры и, конечно же, крестики «кочевали» из одного класса в другой.

Накануне мы с Кети «махнулись». Я выбрала браслет с фиолетовыми камешками, тщетно попытавшись скрыть его под рукавом куртки, а Кети закрепила пышную копну волос моей маленькой божьей коровкой.

В этот день «коридор позора» возглавляла отличающаяся жестокостью и человеконенавистничеством заведующая учебной частью. Почему-то большую ярость вызвала у неё маленькая божья коровка в роскошных черных волосах Кети. «Прошедшим таможеню» она велела разойтись по классам, а Кети приказала остаться.

Больше в этот день Кети в школе никто не видел, она словно сквозь землю провалилась. Её домашний телефон молчал.

Когда на следующее утро наша подруга не появилась на уроках, я и Марикуна бросились на поиски. Кети жила рядом со школой на Бахтрионской улице, в течение дня она бывала одна, родители работали до шести часов, мы знали точно: дверь она откроет сама.

После длительного, протяжного звонка дверь тяжело открылась. То, что мы увидели, было навверное, одним из первых и посему самым глубоким потрясением в жизни каждой из нас.

Кети, закутанная в шерстяной платок, заметно похудевшая, с большими черными мешками под влажными глазами, еще больше увеличившимися на похудевшем лице, странно смотрела на нас. Нет, это не было ни сожаление, ни страх, это было что-то новое, что каждый из нас должен был обязательно испытать в своей жизни.

Испытать, как испытывают идущие на свою Голгофу борцы за истину.

– Что случилось, Кет, мы так нервничали, ты жива? – начала Марикуна.

– Вот дура, не могла позвонить, что ли? – вырвалось у меня.

И тогда Кети скинула шаль.

Трудно точно подобрать эпитеты для описания открывшейся нам картины – от красивых волос Кети осталось несколько ничего не значащих фрагментов. Ее глаза постепенно наполнялись слезами обиды и праведной горечи, но она так и не заплакала!

Кети раскрыла кулачок, и мы увидели на ее ладони мою божью коровку.

– Лалка, я спасла ее от этих живодёров, – сказала она и протянула мне заколку для волос так, будто держала в руках наши души.

Я и Марикуна, потрясенные, слушали рассказ Кети. После того как мы вошли в свои классы, заведующая учебной частью завела Кети в преподавательскую и в ее присутствии позвонила тете Дали. Текст звучал сухо и угрожающе.

– Калбатано Дали! Попрошу срочно явиться в школу! – Завуч бросила трубку. Через пятнадцать минут взлохмаченная, с бьющимся сердцем несчастная тетя Дали взбегала по лестнице к учительской и нашептывала: «Господи, помоги, лишь бы она была жива!» Какие только картины не мелькали перед глазами перенервничавшей женщины. «Господи, помоги!»

Первое, что увидела тетя Дали после того, как открыла двери учительской, была живая и невредимая Кети. Но что тогда произошло?

– Калбатано Дали! Что это такое? Я вас спрашиваю, что это такое? – в истерическом вопле повторяла один и тот же вопрос фурия и показывала на «затаившуюся» в Кетиных пышных волосах божью коровку.

Некоторое время тетя Дали стояла, как ледяная статуя, потом вдруг вскочила, подошла к учебному столу, взяла канцелярские ножницы и потянулась к бедной Кети. На отциклеваный школьный пол один за другим падали Кетины черные локоны и смешивались с опилками в мастике. Вот так же хотели вывалить в грязи школьного пола наше подростковое самолюбие. Оцепеневшая фурия молчала.

У тети Дали сдали нервы.

И тогда мы, три подруги детства, дали клятву, что до конца своих дней, даже ценой собственной жизни, никому и никогда не позволим угнетать ни одну из нас и даже в самые тяжелые минуты защитим и дадим надежду друг другу.

Эта клятва никогда не нарушалась.

Вера

Время бежало быстро. Одна часть моего нашумевшего школьного романа приближалась к завершению, Нукри уже был студентом политехнического института, и наш роман перешел в новую школьно-вузовскую фазу. В моей жизни произошло важное изменение – из-за постоянного гнёта в эксперименталке я перешла в 51-ю среднюю школу. Кети в «Комаровскую», физико-математическую.

Эту школу мне рекомендовал Мишико Саакашвили: мол, вздохнешь, наконец, здесь совсем другая обстановка. Он и сам так поступил два года назад. И я поверила, он ведь был самым рациональным из нас. Правда, было бы лучше, если бы мы перешли вместе, но Мишка ведь был на два года старше. Он и Нукри уже балдели от студенческой жизни. Марикуна как «одинокый волк» несла всю тяжесть первой экспериментальной школы.

Нукри, как правило, ждал меня у филармонии после занятий, провожал домой, а вечером либо он гостил у нас, либо, соответственно, я у него. Наши родители, счастливые подобным мирным урегулированием вопроса, полностью нам доверяли, беспокоясь лишь о том, чтобы нам в голову не пришли какие-нибудь «глупости».

1 сентября 1985 года я с замиранием сердца ждала окончания уроков, чтобы побыстрее выскочить из школы и увидеться с самым симпатичным студентом мира. Сразу же после звонка я бросилась к двери. Неожиданно на пути меня окликнуло «препятствие» по прозвищу Джонджола. Георгий Арчвадзе был самым сильным и популярным парнем в школе, так называемым «смотрящим».

– Морошкина, ты это куда? Айда отмечать 1 сентября! Мы собираемся у Вахо Хоштария, Манко Бараташвили возьмет гитару, ну а девочки подсуеятся и накроют стол. Зажжем, как это подобает верийцам! («Вера» – один из элитных микрорайонов Тбилиси. – *Л.М.*). Это не «Зумбуртало», это Вера, Верааа!

– Во-первых, я не Морошкина, «о» пишется, «а» произносится, понял? Как в слове «молоко». Ну и, во-вторых, я занята, меня ждут!

– Ва, правда? Кто? Твой кавалер из Сабуртало? Не стоит ли ему для начала разбить нос, ну в смысле гостеприимства? Одного из Сабуртало – Саакашвили мы уже выдворили отсюда. Господи, за что мне эти муки, неужели это моя судьба – сабурталинцы? – паясничал Джонджола. – Ну ладно, красотка, сейчас иди и передай своему дружку, чтоб я не видел его на этой территории, не то его «семерка» взлетит в воздух. Ты поняла?

– Нет, – с убийственной самоуверенностью сказала я и протиснулась к выходу между карнизом и рукой Джонджолы.

Говоря о Вере, задумываешься, это район или стиль жизни? Думаю, второе. У Веры есть свой запах, цвет и колорит. Вериец может стать жителем другого района, а вот чужак никогда не станет верийцем. Здесь нужно родиться, именно здесь и нигде больше, затем здесь вырасти в каком-нибудь красивом итальянском дворике, затем ходить на свидания в Кировский сад, заглядывать в «Сачашнико» (магазин, где дегустируют вина. – *Л.М.*), покупать жареные семечки у цыганки Гуло, поздравлять первого же встреченного обезумевшего от счастья отца с рождением сына в роддоме имени Чачава, в воскресенье ходить за покупками на Верийский рынок, где вас все знают и поэтому не обвесят, ну а вечером насладиться концертом грузинского балета Сухишвили-Рамишвили в филармонии. Вот это и есть Вера, которая никогда не примет «чужака».

Нукри стоял возле 51-й школы, рядом с новенькой «семеркой», которую ему купил отец в связи с поступлением в институт. Он нервно покуривал сигарету, на бледном лице не было ни кровинки.

– Что случилось, Нукри, чего это ты нос повесил, бичо (парень. – *Л.М.*)? Не хочешь поздравить меня с новой школой и началом учебного года? – спросила я, фыркая.

– Да, поздравляю, – сказал он грубо и чмокнул в щечку. – Мишико забрали в армию.

– Что? В армию? Куда? На сколько? – затараторила я и вдруг почувствовала, что с нами происходило что-то очень серьезное и скорее всего плохое.

– Лали, служба в армии в Советском Союзе вообще-то два года, в морском флоте – три. Это так, для информации, – объяснял раздраженный Нукри.

– А что тетя Гиули?

– В Советском Союзе матерей в армию не пускают, – безапелляционно продолжил Нукри.

– Да знаю, хорошо, ведь не дура. Куда его послали?

– На Украину, в Киев.

– А что, нельзя было как-нибудь «соскочить»?

– В Советском Союзе, не пройдя военную подготовку, гражданское лицо не сможет трудоустроиться, и вообще, у него будет «волчий билет» или статус дезертира, – монотонно разъяснял Нукри.

Правда, я не понимала ни одного слова, но наглость и язвительность Нукри не имели границ. Как будто я была виновата в том, что Мишу «забрили» в армию, или это я придумала эту дурацкую воинскую службу!

Чаша терпения наполнилась до краев, и я выпалила:

– Ну и что ты мне язвишь, не пойму. В чем моя вина? Что случилось, мир перевернулся? Или тут кроется другая причина? Наверное, на твоём курсе хорошенькие девушки, и ты с ними кокетничаешь, не так ли? Ты пришел для этого? Ну и говори, пусть тебе хватит мужества! – кричала я.

Нукри внезапно, словно с цепи сорвавшийся, притянул меня к себе и в первый раз в жизни поцеловал в губы. Вы знаете, что значит – впервые в жизни? Это означает в первый раз! В какой-то момент мне показалось, что у меня из-под ног уходит земля. Я чуточку пошатнулась и, если бы не вовремя подставленное плечо Нукри, распласталась бы на асфальте. Звенело в ушах, горло перехватывало, я чувствовала сильное сердцебиение, ну а мысль о том, что все это происходит среди бела дня в самом центре Веры, возвращала меня в горькую реальность. Не хотелось смотреть в сторону школы, я была уверена, что Джонджола такое «зрелище» точно не пропустил бы. Вот мне завтра устроят в классе!

«Хорошо, допустим, два-три дня у меня будет болеть голова, и я пропущу эту проклятую школу, тем более, что обмануть маму не составляет большого труда. Всего-то детские грустные глазки, а остальное «покажут» анализы», – лихорадочно соображала я и прокатывала в голове возможные варианты «болезни».

– Ты с ума сошел? – старалась я отодвинуть Нукри. – Что ты делаешь?

– А вдруг и меня заберут? – промямлил не менее чем я взволнованный Нукри. – Ты знаешь, сколько это – два года? Будешь меня ждать? Кто за тобой будет ухаживать? Кто будет провожать? Как я буду оттуда следить за тобой? Ты же такая балда! Кого-то из наших ребят отправили в Читу, кого-то – в Ленинград, кого-то – в преисподнюю. Что же мне делать, я уже помешался, думая об этом, а ты ничего понимать не желаешь! К тому же этот твой новый одноклассник очень треплет мне нервы!

Правда, когда говорят: самец заранее чувствует появление конкурента. Это что-то инстинктивное, животное и в то же время ужасно азартное. Вот когда мужчина становится настоящим охотником, вот когда чувствует опасность потери принадлежащей ему завоёванной в сражении добычи, вот это и есть крик фермонов. Он и сам погибнет в этой борьбе, но первым выроет могилу противнику. Такова их природа!

Нукри молча вёз меня домой.

– Что планируешь на вечер? – спросил он.

– Одноклассники из «экспериментальной» собираются у Марикуны на цхнетской даче (Цхнети – дачное место вблизи Тбилиси. – *Л.М.*). Ты ведь подвезешь меня?

– Конечно, только допоздна не задерживайся, ладно?

– А ты что, не зайдешь, там ведь все свои?

– Нет, я должен подняться к тете Гиули, женщина сходит с ума, несколько дней ничего не знает о Мишке.

– Хорошо, я на часок-другой, к тому же мне еще столько учить... – простонала я.

– В первый же день? Это ведь не «эксперименталка»? – засмеялся Нукри.

– Нет, это мелодия Верийского квартала, – напевала я, помахав рукой как всегда ожидавшей меня на балконе маме.

Вечером на даче великих предков Марикуны праздник по случаю 1 сентября входил в кульминационную фазу. Время, проведенное в кругу друзей, всегда незабываемо. Что мы делали? Наверное, то, что 15 – 16-летние подростки должны делать в такое время, – баловались, пели и развлекались, а больше всех в тот день шумели и шутили двое юношей: Ираклий Джибладзе и Ладос Татишвили. Кто бы мог подумать, что это было наше последнее пребывание в таком составе.

Похищение

Советский Союз с его неповторимым «обаянием», наверное, отличался еще и тем, что содержал своих «постояльцев» в плену ирреальных ценностей и догм. Да, именно бесправных постояльцев! А как еще назвать граждан той страны, где каждый пятый мечтает о побеге на Запад, каждый второй, осуждая царящую в армии «дедовщину», избиения и изнасилования, вынужден отправлять в этот кишащий ад своих 18-летних обласканных в семье продолжателей рода? А потом только Господь ведаёт, что с ними произойдет. В противном случае – военный трибунал.

Как называть граждан страны, чьи права не превышали прав крестьян феодальных времен? В советской резервации, стране, находящейся в тени великого Ленина, все это красиво упаковывалось стремлением к коммунизму и «забантовывалось» светлым будущим. Несмотря на высокие доходы, так называемые цеховики и дельцы меняли собственные автомобили хотя и каждый год, но на ту же модель и того же цвета. Приобретение новой машины на зарплату рядового гражданина было такой же утопией, как в свое время идеи Сен-Симона и Фурье.

В Советском Союзе все должны были быть равны. Кредитной системы, как известно, не существовало. Вот толстопузые денежные мешки и удовлетворяли свое «эго» перемещением «нажитого непосильным трудом» добра из одной ценной безделушки в другую. Часто так называемый «институт» близких соседей доносил суть информации «куда следует», что, в свою очередь, сулило большие неприятности, а то и конфискацию имущества. Несмотря на внешнюю скромность и «жизнь на зарплату», за порогом квартиры открывалась совершенно иная картина. Хвала фантазии Кавказа!

Сервиз «Мадонна», изделия Фаберже, саксонский фарфор, хрустальные люстры, кузнецовская посуда и обязательно рояль (хотя его владелец до конца жизни не имел представления, настроен ли инструмент). Таковой была определенная провинциальным мышлением необходимость, без которой считалась невозможной и достойная презентация детей в «нужном» кругу, а об устройстве любимого чада в престижный институт или о предоставлении «достойного» места в городе и говорить-то не приходилось.

Еще одним важнейшим элементом мещанского бытия являлось приданое как в его количественном, так и в качественном смысле! Наличие вышеупомянутого блага давало даже самой непривлекательной девушке шанс «своевременного» создания нерушимой семьи, такой необходимой для грузинской культуры. План был простым и убедительным. Уже очень привлекала приехавших из провинции в Тбилиси молодых людей перспектива денежного теста и обеспеченной жизни. Главным было утвердиться в городе, а богатое приданое, состоятельный тесть и суеязящаяся с горячими хачапури теща отодвигали на второй план неперспективную, мягко говоря, внешность невесты. Ну и что, ведь с лица воды не пить?!

Да здравствуют кавказские традиции, «самые гуманные традиции в мире»! Женись, «пригвозди» ее к кухне, и айда... К благословенным русским женщинам! Тем более что в вояжах такого плана одним из убедительнейших алиби является «благословение» самого тестя.

«Иди, сынок, генацвале, гуляй. А как иначе, мы ведь мужчины, вай! Охотники, воины. Если у мужчины заржавеет меч, грош ему цена. Так уж принято, дорогой! Главное, чтобы моя Нанука не узнала, семья ведь – это святая святых!» – Опа, и карты в руки, сам Бог велел!

Совсем иные беседы велись между тещей и дочкой: «Да хватит тебе, ну чего ты ревёшь, дурная? Ну, куда он денется. Немного побесится и вернется. Мужчина как собака, доченька, не сотрётся, иногда его нужно отпускать перебеситься, ну чтобы потом он верно служил. Посмотри на своего отца, немного покукарекал на стороне и вернулся, вай! Теперь

сидит целыми вечерами у телевизора, и никто не видел его отклеившимся от дивана. Таков, золотце, наш удел, мы же порядочные женщины! Ну-ка, оглянись, есть ли в четырех подъездах такая семья, как наша? Подумаешь, у нищих Пертаия нищие невестка с мужем постоянно вместе. Не видишь, что эта несчастная девочка ходит в одном платье, а ты у нас каждый день в новеньком. То ли ещё будет, тьфу-тьфу не сглазить!»

Радикально отличалась позиция членов семьи мужа. Высказывание «Я привела сыну жену» – несравненный образец исключительно грузинского народного творчества. Представьте созревшего оболтуса, которому мама выбирает жену...

Преподнесенное свекровью бриллиантовое кольцо, как «Георгиевский трактат», нужно было принять безропотно и с большой благодарностью, несмотря на то, соответствовало ли дорогостоящее сокровище вкусу невестки. Обручальное кольцо в форме бублика и дюжий бриллиант должны были красоваться именно на безымянном пальце правой руки, чтобы все, повторяю – все, знали не только о незыблемом положении женщины, но и о материальном статусе семьи, что сие кольцо, как зеркало, четко отражало...

В ларце будущей свекрови в энном количестве можно было сыскать нижнее бельё «неделька», «перьевые» пеньюары и множество других «глупостей», которые приукрасили бы ретро-секс-шопы любой страны. Инструкция, как правило, не прилагалась. Всё это являлось скорее игрушкой для душевного спокойствия продолжателя рода. По крайней мере, по мнению Ее Величества Свекрови.

Вместе с рождением сына невестке давался еще один шанс в розыгрыше семейной лотереи, что, в свою очередь, не исключало получения денежного приза и других ценностей в виде золотых украшений или даже норковой шубы. Наверное, читатель думает, что еще нужно женщине? Ответу: дело в том, что все вышеперечисленное благосостояние на протяжении времени по копейке, по волоску, по каратику, целенаправленно вытягивалось из горла нового члена семьи вместе с ее нервами! Сага «невестка-свекровь» хранит такие «жемчужины» садизма, что и не снились ни одному известному серийному убийце и маньяку. А Чикатило и вовсе отдыхает!

В грузинской культуре рождение ребенка – особый феномен, будто в других странах детей приносят аисты. Фраза «Я родила тебе сына» звучит как приговор, и, что главное, этот «железный» аргумент работает до конца жизни. Только в грузинском языке существуют такие определения, как «разрешение», «благополучное завершение», 40-дневный переход в родительскую семью, еда до сплетения кишок, а затем похвальба излишним весом. Давать деньги несущему благу весть допустимо, но лишь в том случае, если родился мальчик, и апофеоз этого неизбежного хаоса – двухнедельный запой мужа именно в то время, когда он нужен новоиспеченной маме и ребёнку, как кислород.

Короче, как говорят, по принципу «коса на камень» о способностях «противоборствующих» сторон можно сочинить многие тома. Но мы не продолжим эту тему и вернемся в сентябрь 1985 года.

Хотя учеба в школе возобновилась три дня назад, я и мои девочки были уже на третьем «шатало» (пропуск школы. – Л.М.) и скрывались в так называемом «Красном саду». Несмотря на то что для «шатало» лично мне «полагался» Кировский парк на Вере, мое сердце склонялось все-таки к Сабуртало. Пребывание с девочками было куда приятнее, чем наличие и интерес поклонников в новой школе.

– Э нет, из-за такой жизни можно повеситься, лучше уж никогда не выходить замуж, – сказала Кетино и с сожалением посмотрела на маму нашего одноклассника, выгуливавшую в сквере, где мы собрались посплетничать на «шатало», маленьких детей. На руках несчастной женщины был один сопливый ребенок, а другой ковырялся в песочке. В её глазах не чувствовалось жизненного огонька, она была измождена.

– А что, никто не поможет, а? – спросила Марикуна.

– Кто, Вахо? Он же натуральный лоботряс, жди от него помощи. И отца вот уже полгода никто не видел. Говорят, он с кем-то спутался в Волгограде и теперь живет с ней. И чего она рожала троих? – рассуждала я.

Интересно, а сколько детей будет у нас? Я, например, хочу троих. Только ясно, что у моих детей не будет приложения в виде такого папаши, как у Вахо, – сказала Кети и захохотала.

– Да, мужем Кети станет пухленький, низенький профессор-очкарик, который будет ее постоянно возить на симпозиумы, – смеялась Марикуна, указывая на Кети.

– А я подожду принца, он прилетит на собственном самолете и заберет меня с собой. Я рожу ему двух или трех златовласиков, а он, как это бывает в сказках, подарит мне дворец, фаэтон и полцарства! – Марикуна так ярко иллюстрировала сказанное жестиком, что мы покатались со смеху.

– Я и вправду не знаю, к тому же о родах такое рассказывают, мало не покажется. Наверное, я вообще не буду думать о замужестве. Знаете, отец сказал мне, что после школы отправит меня в Москву, во второй медицинский, у меня там дядя Ильюша – самый крутой онколог в Союзе. Здорово, не правда ли?

– Ведь говорила, что завидую Морошкиной, у всех по одному отцу, а у нее сразу два, и второй сейчас активизировался! – продолжала смеяться Марикуна.

– А, кстати, отец тебя с сестрами познакомил? – спросила Кети.

– Да, очень милые девочки, маленькие, беленькие и голубоглазые, но, кажется, мы совсем не похожи друг на друга. К тому же они немного ревнуют и даже не вышли из комнаты, когда я у них гостила, – сказала я и замолчала. Просто не хотелось говорить на эту тему.

– Ну всё, разошлись. Завтра на том же месте, в тот же час? – шутливо спросила Марикуна.

– Я – пас. Завтра иду в школу, а то совсем отстану от программы. Когда вспоминаю первое сентября и Джонджолу, сразу умереть хочется, но ведь не могу же я прятаться до конца дней своих? – вздохнула я.

– Ну и ладно, мы и без тебя потусуемся, правда? – сказала Марикуна с издёвкой и посмотрела на Кети. – Пусть эта верийка уходит к своим.

– Да, точно, почувствуй разницу, – ответила Кети и многозначительно посмотрела на подъем Саирме.

– Ладно, девчонки, не дуйтесь, просто так надо! – Мы разошлись по домам.

Ночь я провела в кошмарах. То мне снилось, что Нукри и Джонджола убивают друг друга из-за меня, то выплеснувшийся из школы грязный поток уносит полученный при крещении крестик, то будто я зависаю над собственным телом сверху и кричу, но тщетно...

– Почему ты плачешь, Лалико, девочка моя? – послышался встревоженный голос мамы, которая, по всей видимости, долго ждала моего пробуждения.

– Ты знаешь, мне приснились какие-то ужасы. Драка, затем потеря крестика, а потом я не чувствовала себя, совсем не чувствовала, – хныкала я. Окончательно обмякшая рука машинально потянулась к шее, и вдруг я вспомнила, что мой крестик в августе в Сочи унесла внезапно набежавшая волна...

– Значит, все это мне не снилось? Нет, снилось только это – правда. А если сбудется и остальное? – посмотрела я на маму мокрыми глазами.

– Не бойся, детка, это всего лишь сон, ты тогда так перенервничала из-за крестика, что это глубоко засело в твоём подсознании, а теперь вырвалось во сне. Ничего плохого не произойдет, – успокаивала мама. – Пойдем в церковь к батюшке Ростому и освятим новый крестик.

Ложиться спать было плохой идеей, все равно через час вставать. К тому же я боялась возвращения недоброго сна.

– Ма, выпей со мной чаю, пожалуйста... всё равно не уснуть.

Не помню такого случая в жизни, чтобы мама оставила без реагирования хотя бы одну мою просьбу. Вот я, порядочно напуганная, на рассвете, как на духу, и выплеснула все, что происходило вокруг меня. Последним аккордом было трехдневное «шатало», но, как видно, маму озадачило совсем другое из моего рассказа.

– Лалико, постарайся примирить мальчиков. Ты будешь нравиться многим и должна вести себя так, как это подобает настоящей женщине, не позволяй им столкнуться друг с другом, не доведи до драки! Твоя сила в примирении, а не наоборот!

– Что ты мне предлагаешь, бегать с белым платком? (В старину женщины в Грузии бросали между враждующими белый платок, что приводило к прекращению битвы. – Л.М.) – спросила я, уже полностью освобожденная от страха, скинувшая с плеч тяжесть ночи.

– Нет, Лалико, этого никто не требует, но, мамочка, сделай так, чтобы ты никогда не была причиной драки! И больше никаких «шатало» в парке! Обещаешь?

– Да, мама, никогда в жизни, но если я все-таки пропущу урок, то приду домой, не подводить же класс, ну в общем обещаю! – сказала я, чмокнула маму, перекинула через плечо ранец и направилась к остановке автобуса.

С каждой новой остановкой, приближающей меня к школе, усиливалось и мое волнение. Вот уже видна филармония. Чтоб мне провалиться!

Перед школой, как всегда, собралась «биржа». Джонджолу не было видно, и я свободно вздохнула. Первым уроком была грузинская литература, которую преподавала опытный педагог Клара Чхаидзе. Она так преподносила нам гениального Важа-Пшавела, как будто провела всю жизнь с его героями и знала их лично. «Зачем воевать с плохим, хорошее вечно враждебно». – «Ва, какие клёвые слова, этим многое объясняется», – комментировала я мысленно слова Важа. Этот метод оказался весьма подходящим для меня и в будущем. Ведь и вправду здорово, когда классика укрепляет тыл?

До звонка на перемену оставалось около пяти минут, когда в класс ввалился взволнованный в вытащенной из-за пояса рубашке Джонджола.

– Простите, масц, – сказал он, опутив голову, и присел рядом со мной. Джонджола не отличался почтительностью и сладкоречивостью, но Клара Чхаидзе была редким исключением в педколлективе: она пользовалась авторитетом не только среди коллег, но и у строптивых учеников.

Джонджола же принадлежал к той категории учащихся, которые долго остаются в памяти школы. Между ним и педагогом протянулись невидимые нити уважения и доверия.

– Все в порядке, Георгий? – спросила учительница.

– Да, масц, ничего особенного, так, небольшие неприятности, но сейчас все в порядке!

– Очень хорошо, что нам и требуется. До четверга, – попрощалась Клара масц в унисон с прозвучавшим звонком и вышла из класса.

– Лали, постой, не уходи, я что-то хочу сказать тебе, что-то очень важное. Не выходи из класса, прошу тебя.

– Не дури, Георгий, посмотри, какая погода. Немножечко погреемся на осеннем солнышке, или я «мзетунахави»? (Игра слов: слово «мзетунахави» обозначает не виденную солнцем принцессу, или «красавицу». – Л.М.), – дразнила я, мне нравилось, что самый крутой парень в школе практически был в моём подчинении.

– Не уходи, Лал, иначе, быть может, всю жизнь будешь жалеть, ты это понимаешь? – заорал Джонджола так, что оставшиеся в классной комнате ребята одновременно взглянули на нас. – Не уходи! Если хочешь, я преклонюсь перед тобой, – продолжал он и – прежде чем я успела ответить, упал на колени. Его глаза наполнились слезами. Я и мои одноклассники были обескуражены. Авторитет «номер один» школы вел себя совершенно неадекватно. Так, будто забыл свой авторитет дома. Он не видел ничего вокруг. Сначала я подумала, что это

розыгрыш, но его наполненные слезами, как бы несущие знак несчастья глаза не лгали. Когда я к нему приблизилась, мне стал совершенно ясен смысл фразы «скрежет зубов».

Лоб Георгия был в холодном поту, челюсти сильно стиснуты, на губах виднелась просочившаяся из десен кровь. Он нервно кивал головой и, будто заколдованный, повторял одно и то же.

– Не выходи на улицу, я люблю тебя, только я, сильнее всего на свете, только не выходи! Хочешь, встань здесь на скамейку, чтобы я на тебя смотрел снизу вверх, как смотрят на богиню, только не выходи из школы! Я люблю тебя! – безостановочно повторял Джонджола, и от одного его сильного движения я оказалась на стуле. Кабинет грузинской литературы располагался на первом этаже, вот почему мне, стоящей на стуле, бросилась в глаза суматоха в школьном дворе. Подельники Джонджолы проводили разборку с какими-то ребятами.

«Интересно, что случилось с утра пораньше? – подумала я. Будто в ответ в окне мелькнул знакомый силуэт. – Вайме, Нукри! Что ему нужно здесь в такую рань? Что происходит? Он что, пропускает лекции? Почему Джонджола не пускает меня на двор?» – В голове начался такой сумбур, что все, что происходило «внизу», стало ирреальным. Моя душа, как в ночном кошмаре, проносилась перед 51-й школой, а мое тело, словно вкопанное, стояло на стуле перед коленопреклоненным Джонджолой.

Вскоре мне всё-таки удалось собрать душу и тело воедино. Невзирая на серьезные препятствия, я пулей вылетела на улицу.

– А ну-ка сейчас же прекращайте, вы что, с ума сошли? – закричала я и встала между взбудораженными словно петухи с острыми шпорами, мальчиками.

– Лали, ты уходи, – одновременно послышались голоса Нукри и оказавшегося рядом Джонджолы. – Это не твое дело!

– Правда? А чье это дело? Может быть, моей бабушки Аграфены? – сказала я разгневанно. Вне внимания не осталось и то, что ребята прятали свои руки за спинами. Нож! Конечно, нож!

– Или ты сейчас же заберешь меня домой, или никогда больше не увидишь, Нукри Чаганава! – сказала я, сверкая глазами, и пошла к остановке.

Как ни странно, Нукри без слов последовал за мной, будто ждал этого. Из-за отсутствия зачинщика потасовки суматоха перед школой улеглась за минуту.

«Вах, ну какая я сильная! – хвасталась я про себя. – Как развела «состав»! Вот развлеку девочек. А маме скажу, что не я была причиной драки. Ауф, ну как объяснить ей, почему я опять пропустила уроки?» – блуждая в собственных мыслях, я прошла остановку.

– Подвезти, красавица? – услышала я сзади сигнал машины. Это что ещё за нахал?

Из «Волги», широко улыбаясь, подмигивал Алик.

– Здравствуй, Алик, – поприветствовала я водителя Леонтьевича, который часто возил по домам гостей семьи Чаганава.

– Привет, Лалико, запрыгивай в машину. Ты в порядке? Как тебе нравится новая школа?

– Не знаю, мне-то она нравится, а вот я ему... – сказала я и повернула голову к надутому, как индюк, Нукри.

– Это ничего, все утрясется, – улыбнулся Алик.

– Лали, сейчас поедем во Мцхету на хинкали, нас там ждут ребята, а потом заедем к Марикуне и Кети, ладно? – спросил Нукри, к которому вернулся дар речи.

– Да ладно, ну какая Мцхета? Я дала сегодня маме слово, что никогда не пойду на «шатало» и не обману!

– Клянусь тобой, это в последний раз! Правда, клянусь маленькой Татукой, – сказал Нукри и в подтверждение истинности своих слов перекрестился. Татука была его трехлетней племянницей – маленькая и самая любимая «кахетиночка», как звал ее Нукри. Аргумент казался железным.

– Хорошо, только вернемся побыстрее, завтра у нас начинается практика, хочу быть в форме.

– Ладно-ладно, маленькая, – сказал Нукри и попросил Алика поехать на Бахтрионскую.

К нам присоединились «братья» Нукри. Они дружили с раннего детства – Заза Чхаидзе и Гия Качарава были не разлей вода. Рядом с ними я чувствовала себя полностью защищенной, они слыли самыми «тёрыми калачами» в городе. Заза сел вперед, так как был самым крупным, Гия обошел машину справа, я оказалась зажатой посередине.

– Что вы меня сдавили, – ворчала я.

– Ты ведь не стокилограммовая, большое дело, придвинься ко мне, чего раскричалась, ведь ты знаешь преимущества золотой середины? – шутил Нукри, и я смирилась с судьбой.

По дороге ребята разбирали происшедшее в моей школе. Потом сказали, что Джонджола уже не представляет собой проблему, и продолжили болтать про всякие глупости.

Как это ни удивительно, но в Грузии я была только во Мцхете, поэтому объяснение Алика о том, что мы должны обогнуть Мцхету из-за плохой видимости, я, естественно, приняла совершенно нормально.

Объезд слишком затянулся. Первое подозрение, что что-то происходит, у меня возникло под селом Игоети. Как-то в детстве Талес устроил нам экскурсию в Атени и Горийский Джвари. Помню, я спросила у Игоети, почему он бросал деньги из окна. «Здесь прежде была тамонья, это старая традиция, к тому же, пожертвованные деньги собирают неимущие», – был ответ.

...И Нукри бросил мелочь, помянул Господа и перекрестился.

– Что мы здесь делаем, Нукри? – спросила я со скрытым подозрением, вспомнив к тому же, что сижу посередине, и перспективы выбраться отсюда самостоятельно у меня нет.

Нукри молчал.

– Что хотим? Да свадьба это, свадьба! – закричал Заза Чхаидзе. – С сегодняшнего дня ты жена Нукри, наша невестка. Поздравляю, голубки!

Существуют моменты, которые навечно запечатлеваются в твоей жизни. Некоторые со знаком плюс, некоторые – отрицательно, но, что главное, **навечно!** Это приблизительно то же самое, как показать умирающему человеку ретроспективу его жизни. Так промелькнули передо мной пятнадцать лет. Детство, рождение брата, безграничная доброта мамы, бабушкины шуточки-прибауточки, религиозно-исторические уроки Талеса, новоиспечённый папа, хорошего же он будет мнения обо мне! ... Вай, ведь завтра у меня первая практика?!

Не состоявшаяся, первая и последняя...

Ту ночь мы, мои похитители и я, провели в селе Кобулету у родственников Нукри. Всю ночь я разговаривала с дядей Северианом и тетей Феодорой и, по-моему, очень аргументированно доказывала, почему нет перспектив моей связи с Нукри. О браке и речи быть не могло!

На рассвете ко мне приблизился Нукри.

– Знай, ты ко мне не притронешься! – закричала я, но это не был голос страха. Это была первая осознанная борьба за женское достоинство!

– Ты с ума сошла? Я и не думал, тихо, я люблю тебя, правда, люблю. Завтра мы вернемся в Тбилиси и поступим так, как ты захочешь. К слову, через две недели я уйду в армию...

– Что? Куда? А говорил, что тебя освободили? А как же отцовские связи?

– Отец сказал, что не испортит мне биографию. «Отслужи, а остальное я беру на себя», – велел он, вот я и подчиняюсь, а дальше, как Богу будет угодно...

– Тебя куда направляют? – Известие было ошеломляющим.

– В Сухуми, Абхазию... Останься со мной, прошу, – и прослезившийся Нукри поцеловал меня в щеку.

В это время в Тбилиси выбитые из привычного состояния мама, Талес и бабушка тщательно уговаривали разбившего в подъезде «лагерь повстанцев» Джонджолу вернуться домой.

– Нет, тетя Манана, и не просите, вот вернутся они, спрошу у Лали, по её ли это воле, тогда и уйду. Да что там, моя вина, раньше об этом нужно было думать – не уберёт! – сиплым голосом повторял Джонджола и в знак своей непреклонности кивал головой пристроившимся неподалеку верийским ребятам.

У жизни странный хронометраж, иногда все впереди, а иногда в возрасте пятнадцати-шестнадцати лет все бесповоротно запоздало.

Гарантия неприкосновенности

Дорога в Тбилиси казалась бесконечной и утомительной. Старый аджарец не отпустил нас одних, он сидел впереди, а мы, как селёдки в банке, сзади.

Моя твердая позиция и полная неопределенности перспектива, как видно, вызывали у ребят волнение и напряжение.

– Что случилось, девочка, ведь не засудишь нас? – спросил Гия Качарава и дотронулся до своей трехдневной щетины.

Дедушка Севериан цокнул языком, намекая на то, чтобы Гия заткнулся.

– Нет, – холодно ответила я.

Несмотря на мою настойчивую просьбу, возвратиться домой мне пока не светило. Один из корпусов на проспекте Важа Пшавела, где на пятом этаже жил Нукри, показался мне крепостью Бастилией. А дома нас ждали ошавевшие от страха, растерянные родители Нукри. Я приветливо поздоровалась с обоими.

– Ни о чем не беспокойтесь, я подожду маму и поеду домой, – сказала я в дверях встревоженной маме Нукри.

– Лали, решать только тебе, – ответила тетя Лия. – Ты ведь знаешь, мы очень тебя любим, генацвале.

Неожиданно Заза сильно дернул меня за руку.

– Выйди на минуту, – сердито сказал он и поволок меня на балкон. – Что ты делаешь? Какой такой дом? С ума сошла? Что вытворяешь? – угрожающий голос звучал зловеще. – Не думаешь ли ты, что и потом мы будем такими добренькими? Посчитай, сколько здесь этажей!

– Идиот, оставь меня в покое, – сказала я, попытавшись вызволиться из Зазинового плена.

– Он правду говорит, – выбросил сигаретный бычок сидящий на корточках Гия и зло посмотрел на меня снизу.

В дверях раздался нервный звонок. Не нужно было быть Вангой, чтобы догадаться – это пришли мои.

* * *

В то время маме было 37 лет. Когда мы шли по улице, невозможно было не проводить ее глазами. Талес был старше нее на десять лет и страшно ревновал. Поэтому они повсюду бывали вместе и, ко всему прочему, стали лучшими друзьями. Бессонная ночь маленькими паутинками отпечаталась на их лицах. Оба одновременно обняли меня.

– Мордуленция, как ты? – спросил Талес и потрепал меня за щеки.

– Хорошо, па...

Манана не издавала ни звука. У мамы всегда случался спазм горла, когда она нервничала.

– Войдите, пожалуйста, почему стоите в дверях? – Первой пришла в себя тетя Лия и взяла на себя инициативу. – Что делать, Манана, дорогая, такова судьба родителей девушек. И моя Нина сбежала прямо со школы.

– Я никуда не убегала, – пробормотала я, видя растерянный взгляд Нукри.

– Большое спасибо, Лия. Можно, мы с Лалико поговорим отдельно, – наконец выдохнула Манана.

– Ну, конечно, заходите вот сюда, – пригласила Лия в свободную комнату, – а я сладкое принесу.

Грузинский менталитет, порядок, убеждения требуют защиты и уважения «института девственности». Несмотря на то, что моя мама была уроженкой Сочи, эта древнейшая грузинская традиция и для нее была, безусловно, значимой. Ее бирюзовые глаза наполнились слезами, светлые волосы показались поседевшими.

– Ма, я не хотела, меня похитили из школы, между нами ничего не было. Нукри – очень хороший, но я хочу домой. Сперва окончу школу, поеду в Москву, а потом посмотрим, – продолжала я бормотать. – Клянусь братом, он даже пальцем до меня не дотронулся.

– И больше не увидишь Нукри? – спросила почти пришедшая в себя Манана.

– Ну почему это не увижу? Буду иногда приходить сюда со школы. Будем вместе ходить в кино, театры, на дискотеки...

Сказанное мною явно заставило Манану задуматься.

– Это как?

– Что – как? Буду иногда приходить со школы, – повторила я. – Неужели не понятно, просто будем дружить.

– Знаешь, что я тебе скажу, милая моя! Значит, я должна следить за твоим хвостом, где и когда ты будешь, в школе или кино? А что делать с Джонджолой, который устроил засаду в подъезде? Может, нанять тебе охрану? Объясни-ка мне одну вещь. Нукри-то ты любишь?

– Да, а при чем тут это? Люблю, но замуж не собираюсь. Так трудно это понять?

Манана впервые закурила в тот день. Аналогичный разговор состоялся в соседней комнате у Нукри с его отцом.

– Что это ты натворил, парень? Разве так мы с тобой договаривались? Или ты думаешь, было так легко добиться твоего распределения в Сухуми. Вот направят тебя в Читу, тогда увидишь небо в алмазах! А я и пальцем не пошевелию, чтобы что-то изменить, – сердился Леонтьевич.

– Ладно, ну, папа, все наши, кто пошел в армию, накануне переженились. Мне что, дожидаться, пока Лали уведет кто-то другой?

– Потерпишь два года, ничего не случится! – продолжал Лери. – И вообще, скажи спасибо, что ее родня – порядочные люди, а то бы увидел заснеженный Магадан. Пятнадцать лет за похищение, вот что они могли потребовать! И потом, как ты посмел взять мою казенную машину и Алика? Тьфу, безголовый... А теперь пойдешь, извинишься, и на этом закончим. Отслужишь, Лали окончит школу, потом кто вам мешает? – Лери уже собирался выйти из комнаты, когда Нукри, вскочив, как сумасшедший, направился к окну.

– Что, хочешь, чтобы я выпрыгнул отсюда? Ты же знаешь, что я способен! Лали отсюда не уйдет, и точка! А если уйдет, тогда увидите...

Бедный Лери понял, что шутки с самолюбием парня в таком возрасте равноценны игре с огнем. И какой у него был выход? Взяв за руку продолжателя рода, он прижал его к себе и сказал:

– Сынок, генацвале, я говорю для тебя. Учись, гуляй, кто мешает, но если ты так решил, что поделаться, я и твоя мать рядом с тобой.

Переговоры входили в третью, решающую стадию.

* * *

В сложную минуту человеку свойственны и самобичевание, и жалость к самому себе. Разница, наверное, в процентном наличии эгоизма. Соответственно, меня больше характеризует второе, да и то крайне редко. Когда я очень устаю, то жалуюсь судьбе, что у меня нет ни богатых родителей, ни накопленного имущества. Да и вообще, в семье уже который год я и мужчина, и женщина в одном лице...

А ведь моя жизнь могла сложиться по-иному: своевременное окончание школы, затем учеба в Москве, потом, наверное, за рубежом, затем, уже где-то после тридцати лет, знакомство с каким-нибудь бизнесменом или дипломатом, замужество «по всем правилам» и беззаботная жизнь где-нибудь на Сейшельских островах. Только с одним, только одна свадьба, а затем деревянная, железная, серебряная, золотая, бриллиантовая и платиновая свадьбы, один семейный альбом и у детей одна на всех фамилия.

Боже, не подумай, что я недовольна, нет же, большое спасибо тебе за все, такова моя ежедневная молитва... Просто человек – ненасытное создание.

Козлом отпущения из-за неосуществимых желаний всегда была моя мама: «Всё было бы по-другому, если бы Манана в тот самый день, 4 сентября 1985 года, взяла меня за загривок и уволокла домой».

...Третий раунд поставил точку 48-часовому марафону – вердикт родителей звучал для меня как наказание: отныне я замужняя, семейная женщина и в перспективе мама, продолжательница рода Чаганова.

Аргумент моей мамы был совершенно беспомощный, но логичный: «Я не смогу целый день бегать за тобой, у меня растёт маленький сын. Это хорошие люди, вот и оставайся. Лия обещала, что Нукри не дотронется до тебя, пока тебе не исполнится шестнадцать».

Лия кивала головой в знак согласия. Счастливый, достигший цели Нукри улыбался, а я толком и не понимала суть моей новой функции.

Между прочим, Лия честно выполнила данное маме обещание.

С моими друзьями и их родителями случился такой шок, что целую неделю девочек никуда не выпускали. Все остальное протекало банально: новая вечерняя школа, так как мой «аморальный проступок» осуждала система образования коммунистического режима. Для таких, как я, «осквернивших идеалы компартии», место было лишь в специальной вечерней школе.

До прихода в школу я представляла картинки из советских пропагандистских фильмов о рабочих и служащих, как сяду за одну парту с соскучившимися по учебе сапожниками, домохозяйками, горняками, и так, объединенные в единый советский непобедимый кулак, мы будем изучать Пушкина, Маяковского и Шота Руставели. Но, как всегда, моя фантазия была вразрез с текущей реальностью. В новой школе я обнаружила, что мои одноклассники были не рабочие с завода или, подобно мне, рано вышедшие замуж, а дети богатеньких родителей, которым в обычной школе было сложно получить медаль или аттестат с отличием. А вечерняя школа за определенную мзду давала для этого полную гарантию. Советская система образования так же, как и многие другие сферы, всегда отличалась прозорливыми и прогрессивными идеями. Ну на самом деле, какое время давать образование рабочему классу?

Согласно советскому законодательству, расписаться в загсе имели право только достигшие семнадцати лет, так что нашим родителям пришлось взять над нами опеку, и, наконец, состоялась официальная часть. Моей свидетельницей была Марикуна, а у Нукри – школьные друзья, которых с того дня никто не видел.

По поводу венчания мы получили холодный отказ Леонтьевича, так как коммунистической номенклатуре были запрещены любого рода церковные обряды, в том числе венчание и крещение. В 1986 году действовал «сухой закон», посему свадьба была малочисленной и безликой, ну какая свадьба без домашнего вина и тамады? Тем не менее Ваке-Сабурталинские противоборствующие группировки все-таки умудрились разбить на нашем торжестве один-два сервиза, но, что важнее, ритуал «кровопускания» прошел без крови.

Соглашение родителей о «гарантии неприкосновенности» не могло соблюдаться вечно. Вполне естественно, что 1986 год вошел в мое личное дело тремя знаменательными

датами: я окончила школу, стала студенткой, и страна получила еще одного грузина Сандро (Александра) Чаганава.

Экзамен

Лето 1986 года выдалось жарким не только из-за обычной для Тбилиси в этот период погоды, но и потому, что я сдавала вступительные экзамены в институт с семимесячной беременностью. В тот год приемная комиссия Тбилисского педагогического института отличалась особой строгостью. Дело в том, что ректором института был назначен Роин Метревели. Батони Роин отличался особенной принципиальностью и объективностью. Этого он требовал и от других. Главными его требованиями к экзаменационной комиссии были справедливость и строгость, а что касается высшей оценки, она выставлялась лишь только под его личным контролем.

Факультет русской филологии был одним из самых престижных, и без преувеличения можно сказать, что здесь учились самые красивые девушки Грузии. Мой выбор был обоснован любовью к русской классической литературе. Я постоянно отождествляла себя то с Наташей Ростовской, то с Анной Карениной и подозреваю, что история последней стала моей судьбой (с учетом нового столетия, я бы предпочла финал с «хеппи-эндом»). Мысль о том, что когда-нибудь я более основательно приобщусь к этой нескончаемой сокровищнице культуры, приносила мне огромное наслаждение. Обостренное чувство зова крови и русских корней время от времени испытывало приятную нирвану.

Экзаменационная тема была знакомой и тысячу раз пережеванной, поэтому «испеклась» легко и без проблем. С экзамена я вышла первой и показала большой палец болельщикам, ожидавшим меня во дворе института, в знак выполненной на высоком уровне операции. Заслуженная «пятерка» оправдала ожидания родни.

К следующему экзамену по обществоведению меня готовила замечательный человек, отличный педагог и блестящий психолог Зоя Чимакадзе. Главное то, что во время подготовки она постоянно меня кормила, так как согласно ее методике наполненный желудок хорошо питал мозг. А может, шестнадцатилетняя беременная девочка будила в ней родительский инстинкт. Короче, так или иначе, процесс был приятным и, как оказалось впоследствии, очень качественным. Рассказанные ею мировая история, жизнь выдающихся людей, мысли философов и, главное, теория спиралевидного развития Гегеля навсегда отпечатались в моем сознании. Так в один из жарких июльских дней вооруженная чимакадзевыми знаниями я пришла на экзамен. Моя фамилия вызвала странное смтение среди экзаменационной комиссии. После двадцатиминутного совещания меня подозвала председатель комиссии.

– Знаете, Лали, детка, вашей работой заинтересовался сам Роин Метревели, и этот экзамен он примет у вас сам, только не нервничайте, ради Бога, – сказала пожилая дама и посмотрела на мой выпирающий, как каска пожарника, живот.

Дверь отворилась, и в аудиторию вошел высокий, симпатичный мужчина, который необычайно походил на голливудскую интерпретацию итальянского мафиози. Члены комиссии засуетились и подали ректору кресло.

– Морошкина, да? – спросил хриплым, басовитым голосом господин Роин.

– Да, Лали Морошкина, – бойко ответила я.

– Лали, генацвале, ты ведь грузинскую школу окончила? – продолжал ректор.

– Да, но в семье мы разговариваем на русском, – искренне ответила я.

– Удивительно такое знание русской классики, я хочу сам удостовериться в твоём айкью, и если хочешь «отлично», ответь, не подготавливаясь, на первый же билет.

Его позиция мне была ясна. Наверное, у господина Роина возникли сомнения, не прибегла ли я к помощи шпаргалки. Я же ни в школе, ни в институте и никогда в будущем шпаргалками не пользовалась. Но откуда ему было об этом знать?

Билеты один за другим падали на стол, и я безостановочно отвечала. Экзамен все больше становился похож на блиц-опрос в передаче «Что? Где? Когда?»

– Сколько лет строился собор Парижской Богоматери?

– 150.

– Самая древняя книга?

– «Папирус Приса», хранится в Парижской национальной библиотеке, относится к 2600 году до нашей эры.

– Увлечение Байрона?

– Спорт. Был лучшим пловцом, в 1810 году переплыл 7,5-километровый пролив Дарданеллы.

– Древнейший гимн?

– Японский «Кимигайо», создан в XIX веке.

Вопросам не было конца...

– Батоно Роин, сжальтесь, она ведь беременная, – заступилась за меня председатель экзаменационной комиссии.

– Естественно, «отлично»-то ей гарантировано, просто интересно, сколько чего еще она умудрилась запомнить, – ответил с улыбкой батони Роин и вписал в экзаменационную книжку «пятерку».

Марикуна

В школьные годы Марикуна отличалась особым озорством и изобретательностью. Самыми любимыми ее местами были школьный буфет и находящийся рядом со школой гастроном. Правда, тетушка Тамуна строго-настрого предупредила обслуживающий персонал обоих учреждений, чтобы подростку не продавали сдобу. Но, как известно, «взятка освещает ад», и Марикуне удавалось задобрить продавцов; тем более, кто мог отказать такому милому созданию?

Фантазия подростка особенно возгоралась в школе. Однажды Марикуна появилась в классе с очередным подарком отца Миндии. Это были синие очки «капиталиста Пьера Кардена». Возмущению педагогов не было границ, но они получили такой отпор, что чуть ли не сами бросились чистить запыленные стекла ее очков. Дело в том, что, по версии девочки, у нее были очень повреждены глаза, на сей раз она капала альбуцид, а впереди – тяжелая, многочасовая операция, которая определит ее будущую судьбу. О занятиях, естественно, и речи не было. Эта история, вероятно, продлилась бы несколько семестров, если б не случайная встреча классной наставницы и тёти Тамуны в хлебном магазине.

– Калбатано Тамуна, как ребенок? – спросила классная руководительница. – Мы все, весь педколлектив, переживаем за судьбу Мариночки. Представляю, что испытывает батони Миндия. Ведь он вернулся из Америки?

– Что вы говорите, калбатано Этери, о чем это вы? Я только что оставила Марикуну вместе с Лали и Кети в кинотеатре «Амирани».

– Как? Ей можно смотреть фильмы? Наверное, в специальных очках? А альбуцид? А операция?

Марикуну и нас буквально вытащили из кинотеатра за заливки, к тому же и дома ей досталось по полной. На другой день вести передачу «Изучаем русский язык» пришлось мне одной. Моя партнерша, исполнительница детского шлягера «Пусть бегут неуклюже...», находилась в домашнем заточении. Но каждое фиаско Марикуны было стимулом для новой проказы.

Несмотря на то, что мое раннее замужество было не лучшим примером для моего поколения, а тем более для моих друзей, часть из них последовала за мной буквально по пятам.

Многие из вас, вероятно, читали сказку о волшебных превращениях: когда человек в одно мгновение становится необычайно красивым, стройным, словом, прекрасным. Но ведь это совсем не безграничная фантазия Шарля Перро и братьев Гримм! К концу десятого класса Марикуна начала худеть и преображаться, «менять окрас». Это именно тот термин, который максимально точно подходил ее положению. Между прочим, впоследствии эта метаморфоза стала одной из главных тем авторского ток-шоу Марикуны «Табу», что с большим удовольствием подхватили позднее расплодившиеся как грибы после дождя новые передачи.

Главным же в истории этого телешоу было то, что Марикуна смогла произвести идентификацию двух личностей – старой и новой – в одну, не только не скрыв собственную такую неординарную историю, но представив ее на широкий суд зрителей, тем самым дав стимул многим проблемным детям. Да, они однажды проснутся, посмотрят в зеркало, увидят по другую сторону прекраснейшего длинношеего лебедя и приготовятся к бурному течению жизни.

Короче, переродившаяся Марикуна с удовольствием подсчитывала умножившихся поклонников, а затем все это обсуждалось на заседании «тройки», сопровождавшемся кофе и сладостями (к которым Марикуна не прикасалась) – до заплетания языков и помутнения рассудка:

– Знаете, девочки, Малхаз все же лучше всех, – хвасталась Марикуна своим новым ухажером.

– Нет, ты, видимо, спятила, да он ведь старик! Представь себе, Лали, этому типу 25 лет! – не скрывала возмущения Кети.

– Подожди, когда тебе стукнет 25, а ему будет 35. Уф, как измучаешься, ухаживая за ним, шутишь – судно таскать! – прикалывались мы.

– Какие вы debilки, ведь он врач, если понадобится, он нам сделает справки для школы, к тому же у его матери всегда есть сулугуни и гоми – ну просто объедение. Да еще у них во дворе есть бассейн и другие прибабасы, говорила Марикуна, облизывая языком губы и мечтательно глядя на горизонт. К слову, сыр как продукт питания остается слабой точкой Марикуны на протяжении всей ее жизни.

Не знаю, сулугуни ли, бассейн, доброе мегрельское сердце или действительно любовь необычайно симпатичного человека Малхаза Гвасалия собрали всех нас в 1987 году во Дворце ритуалов на свадьбу.

Моей свидетельницей в предыдущем году была Марикуна. Соответственно, сейчас был черед Кети.

– Главное, не прыгайте, как козы, – наставляли нас родители, но в какие времена слушались старших?

На Марикуне было надето подаренное семейством Гвасалия чудесное серебристое платье. Ее светлые густые волосы были красиво уложены сзади. Она и вправду была похожа на богиню. Малхаз, соответственно, был облачен в подарок семьи Салуквадзе и был под стать невесте.

Молодожены ожидали традиционную процедуру выбрасывания лепестков роз, когда их пригласил администратор Дворца ритуалов и сказал, что они являются самой красивой парой за всю историю их дворца и поэтому снова должны пройти свадебный ритуал через месяц в честь прибывающей в Грузию с официальным визитом премьер-министра Великобритании Маргарет Тетчер. Что нам еще было нужно? К тому же, это была личная просьба высоких партийных бонз. Конечно же, семьи Марикуны и Малхаза кроме внешнего обаяния на все сто процентов удовлетворяли семейные святыни, соответствующие идеалам коммунистической партии, принципу «семья – ячейка общества», были нерушимы, как сталь!

Свадьба на 200 человек, сыгранная в тот день в Телети, отличалась еще и тем, что была своего рода репетицией перед визитом «железной леди» из Великобритании.

Месяц не такой большой срок, и семьи брачующихся с прилежанием приступили к делу. А главной проблемой для них была наша «дрессировка»! Согласно решению тети Тамуны и дяди Миндии, мы, три «кики», как нас называл родительский совет, впервые были допущены на такую «тайную вечерю», как «Иван да Марья». Дело в том, что родителей дяди Миндии расстреляли в 1937 году, а родители тети Тамуны принадлежали к высшим элитарным слоям. К примеру, дедушка Иван Джаши был профессором и проректором сельскохозяйственного института, а Мариико Ишхнели – представительница известного певческого рода Ишхнели. В честь родителей в семье тети Тамуны ежегодно отмечали «Ивана да Марью», куда приглашались друзья ушедших из жизни родителей – Бараташвили, Вачнадзе, Амилахвари, Багратиони, представляющие царственно-богемную часть грузинской культуры и истории, прикоснуться к которой дано не всякому смертному.

Визит «тетушки Маргариты» оказался своего рода «грин-картой» для присутствия на мероприятии семейств Салуквадзе-Джаши. Дело в том, что во время приема гостя высокого уровня мы должны были соблюдать своего рода кодекс поведения. Экзамен нужно было сдать! Ну ведь не бывает свадеб без жениха и невесты?

После двухдневного тренинга было принято решение, что мы должны надеть белые сорочки, длинные юбки и быть причесанными соответственно этикету.

– Морошкина, если увижу тебя в панталонах, я не знаю, что сделаю! – сердился дядя Миндия, так оригинально окрестив мои наимоднейшие шорты!

– Марикуна, никаких браслетов с бубенчиками, серег и широких поясов, вы же не восточные танцовщицы, – добавляла Тамуна.

– Кетуша, приди одетой, ты же не на пляже! – продолжал «кутюрье» нашего нового мероприятия маэстро Миндия.

«Пансион благородных девиц» был готов к первой проверке.

Стол блистал красотой и совершенством. Свежие цветы «Иван да Марья» символически украшали его. Столовые приборы из серебра, отделанный золотом белый сервиз «Лемонжи» ожидали знающее этикет общество.

– Какого черта столько вилок? – ворчала я и мысленно повторяла: «Сперва маленькая, потом средняя и, наконец, большая для горячих блюд». – И сдались мне эти чёртовы горячие блюда!

Кети ежеминутно поправляла строптивые ленточки на сорочке, испытывая явный дискомфорт.

Марикуна в длинной черной юбке и белой гипюровой сорочке с камелиями напоминала знатную особу XVII–XVIII веков.

– Дитрих, мон ами, подай, пожалуйста, этот малиновый соус, – обращалась необычайно красивая, будто изваянная из воска пожилая дама к сидящему напротив меня в накрахмаленном жабо мужчине.

– Марго! Вы изменили вашей привычной диете и едите сладости? – удивлялся господин Дитрих, угощая малиной прекрасную даму.

– О, Дитрих, разве много искушений осталось в этой зряшной жизни, выглядящих так аппетитно и эстетично, что так и хочется попробовать.

Мы с Кети под столом с излишней горячностью долбали друг друга ногами. У обеих от еле сдерживаемого смеха защемило жилку на шее.

Аромат злосчастной «Мадам Бовари» развеял колдовство. Марикуна, часто моргая своими нежными голубыми глазами, обратилась к соседу.

– Можно мне одну ложечку?

Пожилой обладатель великокняжеской фамилии взял на себя функции кавалера, утонченно подающего блюдо, однако из-за одного нагло-неуклюжего движения Марикуны выронил его содержимое на ее белую рубашку.

– Фу ты, обосралась! – Эти слова, как гром среди ясного неба, прокатились над застольем избранных. Пенсне, лаклоновские платки, перчатки с монограммами, мундштуки в едином порыве оказались на столе. А нас так же синхронно выдворили с традиционного семейного праздника.

Срезались!

* * *

Время не ждало, приближался визит Маргарет Тетчер. Мы, как «безнадежно испорченные», не поддавались даже дрессировке! Не выписали бы они Бугримову из Москвы? Короче, без нас обойтись было всё равно нельзя, а вот разумный, взрослый, 26-летний зять Малхаз вел себя согласно протоколу.

Леди Маргарет оказалась весьма общительной и приятной дамой, ее удивлению не было предела, когда семья невесты общалась с ней на английском «хай»-класса, да еще на таком, что даже номенклатурный переводчик ЦеКа не понимал значения и половины слов.

На сцене сменяли друг друга танцоры, певцы, юмористы. Самую большую симпатию госпожи Тетчер заслужил детский ансамбль «Мартве», чьими неизменными солистами были братья Цулукидзе.

По грузинской традиции тамада – наиважнейшая фигура застолья. Он, по существу, летописец прошлых и текущих событий, семейных традиций и будущих перспектив. Короче, иллюстрированный альманах «Вокруг семьи» и мост между брачующимися.

Хорошо проведенное мероприятие – всегда победа тамады, а плохо организованное, соответственно, фиаско. Свадьба Салуквадзе – Гвасалия стала основой взаимоотношений не только двух семей, но и грузино-британского партнерства.

Между нами, Тамуна и Маргарет поразительно походили друг на друга, высокие, статные, элегантные, прямо, как разрезанные половинки одного яблока. Видимо, этот факт не остался вне прозорливого внимания «железной леди», Тамуна безотлагательно получила приглашение во дворец королевы Великобритании.

Очень скоро передовую европейскую прессу украшали фотографии Маргарет Тетчер и красивой грузинки. Обе были в своих любимых строгих синих костюмах с белым платком.

Вторично новобрачные были одарены фарфоровой вазой от гостьи из Великобритании, которая, в свою очередь, была передана в эксклюзивное владение плоду любви этого симбиоза – прекрасному созданию Тате Гвасалия.

9 апреля

1989 год бурлил и обещал все новые сюрпризы. Старый режим испускал дух. В нашем институте идея создания ячейки национального движения проваливалась не раз. Приученные к советскому образу жизни педагоги трудно свыкались с новыми идеями, хотя не мешали активизации студенческого движения.

Наш четвертый курс уже достаточно созрел для того, чтобы делать выводы. Одно было предельно ясно: кончалось что-то старое, уже заплесневелое и невыносимое, рождалось что-то новое, нежный грудной ребенок, за которым трудно ухаживать. Многоглавый Советский Союз, как раненое чудовище, орал и извергал огонь. Разрушался семидесятилетний алогичный и вынужденный союз пятнадцати республик, подкрепленный советской идеологией.

Демократия – вот чего так не хватало Грузии, вот то, чего так жаждали грузины, и то, что так дорого обошлось нации.

После лекций студенты часто шли к митингующим. Рассказы диссидентов о государстве нового типа, новой национальной идеологии многие из нас попросту не понимали. Часто втайне друг от друга мы узнавали значения незнакомых слов, которые впервые слышали от национальных лидеров. С одной стороны, империя и так рушилась, а с другой – темпераментные грузины хотели ускорить этот процесс.

Может, в этот день, в этот злосчастный рассвет, лучше было бы продемонстрировать христианское смирение? Может, если б послушались призыва Святейшего и Блаженнейшего Католикоса – Патриарха Всея Грузии пойти молиться в Кашветский собор, из нашей истории был бы вычеркнут хотя бы один кровавый миг? Не позволили бы такому монстру, как Советский Союз, совершить еще одну ошибку, не пролилась бы кровь грузинской молодежи, а советские саперные лопаты и танки не были бы вымазаны в свободолюбивой грузинской крови. Сколько мам подарили бы Грузии новое здоровое поколение. Ведь среди погибших были в основном женщины – бесстрашные, гордые грузинки, щитом и броней прикрывшие еще вчера смеющихся гуляк, в одну ночь, с 8 на 9 апреля 1989 года, помудревших, ставших мужчинами и воинами. Время всё рассудит.

Победившая на выборах 1990 года законная власть на чрезвычайной сессии Верховного Совета официально восстановила утраченную в 1921 году независимость Грузии.

Но это была только временная, показная, эфемерная победа. Был разрушен и опустошен центр Тбилиси, гражданская война разделила грузин на две части. Грузия постепенно проваливалась в длительную кровопролитную, братоубийственную войну. У нас опять не хватило сдержанности, вновь не смогли отвести атаку более сильного, коварного и беспощадного врага. История повторилась.

* * *

В 1919 году советская Россия с помощью грузинских большевиков – Сталина, Орджоникидзе – и проживающих на территории Грузии национальных меньшинств создала антигосударственные большевистские ревкомы. В Абхазии такой организацией руководил Лакоба, а в Южной Осетии – Плиев. Началось манипулирование выступлениями крестьян, которые впоследствии превратились в большевистские восстания против центральной власти. Оба восстания были подавлены на начальном этапе как центральной властью, так и посредством местных осетинских и абхазских организаций.

В мае 1920 года Россия признала независимость Грузии. Несмотря на это, в феврале 1921 года она начала наступление на страну. Против независимой Грузии использовались в Цхинвальском регионе и Абхазии как раз те силы, которые активизировались в 1919 году.

25 февраля 1921 года Тбилиси пал, большевики захватили Грузию.

За оказанную абхазскими и осетинскими коммунистами помощь в свержении законной власти Грузии этим регионам предоставили статус автономий, в частности, Южной Осетии – автономного округа, а Абхазии – советской социалистической республики, который она сохраняла в течение пяти лет.

Осетины – потомки аланов, представители переселившейся на Кавказ индоевропейской языковой семьи.

Осетинский этнос поселился в Грузии в Средние века. Цхинвальский регион осетины компактно заселили в XVII–XVIII веках. По переписи 1914 года, в Цхинвали проживали всего четыре осетинские семьи. По данным 1989 года, за пределами Югоосетинской автономной области осетинского населения было в два раза больше, чем в самом округе.

Особая заинтересованность России в наличии автономного статуса этого региона была обусловлена тем, что в 1919 году России был нужен коридор до Рокского перевала. Именно поэтому было поднято восстание среди населения прилегающей территории.

Что касается абхазов, они представляют исконную древнюю часть населения Грузии. Грузинские цари именовались царями грузин и абхазов. Представители абхазских дворянских фамилий были известны при царском дворе как вассалы грузин. Абхазия позднее всех вошла в состав Российской империи. А когда началась Кавказская война против Российской империи, большая часть абхазов, как и других мусульман, включились в нее. В результате Россия приняла решение о массовом переселении северокавказских горцев, в том числе абхазов, в Турецкую империю.

Это событие 60-х годов XIX века называлось мухаджирством. Именно поэтому так мала численность абхазов – из-за вышеописанных событий в Абхазии практически остались только христиане и язычники.

Для управления Кавказом Российская империя всегда пыталась сеять вражду между кавказскими народами, в чем часто достигала успеха. По переписи 1989 года, в Абхазии жили только 85 тысяч абхазов, что было гораздо меньше количества проживающих там грузин, русских и армян.

В период «перестройки» в Грузии, как и в Прибалтийских странах, усилились антицентристское и антисоветское движение.

С целью остановки этого процесса Комитет госбезопасности СССР начал создавать различные интерфронты, бороться против антицентристских сил и проводить просоветскую, прорусскую политику. На территории Грузии была использована абхазская и югоосетинская политическая элита. Пророссийские силы Южной Осетии (в которой осетинское население составляло 54 процента) нанесли первый удар Тбилиси. В 1990 году совет депутатов Южной Осетии, не согласовав свои действия с Тбилиси, повысил статус автономной области до статуса автономной республики и обратился к Москве с просьбой о выходе из состава Грузии и присоединении к России. Это повлекло со стороны грузинской власти отмену данного решения, а также упразднение автономной области и ввод в регион сил МВД. Тогдашняя власть (режим З. Гамсахурдиа) отличалась проведением жесткой и негибкой политики.

В 1990–1992 годах происходили локальные столкновения, с обеих сторон погибли несколько тысяч человек, а число беженцев перевалило за 20 тысяч. Согласно Дагомьскому соглашению 1992 года, огонь был прекращен и были созданы миротворческие силы (Северная Осетия, Россия и Грузия).

С 14 августа 1992 года до 27 сентября 1993 года Россия трижды нарушала договор...

Видимо, имперские амбиции не изменились и в XXI веке.
Так начиналась российская агрессия прошлого века.

Побег

Наверное, неловко жить налаженной жизнью в неустроенном мире, у нашей страны запутались паруса. Мазанные одним миром, мы, три подруги детства, вторили времени. Мендельсон над нами явно издевался, всеобщее волнение грозило перерасти в шторм. Кети и сололакский Гио Непаридзе, с 1986 года до самозабвения влюбленные друг в друга, тщетно пытались убедить своих родителей в правильности своего выбора, да и корабль Марикуны не шел полным ходом. Я и Нукри после семилетнего брака расстались.

Причина была по-грузински банальной. Бурную и разгульную жизнь Нукри время от времени украшали различного рода «бабочки», и, естественно, согласно «грузинской традиции», каждая проведенная с ними ночь прямо пропорционально отражалась на моем телефоне. Звонки «доброжелателей» достоверная гарантия разрушения супружеской идиллии. Вначале я верила правдоподобным басням, которые «застуканный» на измене Нукри щедро сочинял. Со временем обстановка так накалилась, что, если б даже одновременно ожили Эзоп, Крылов и Лафонтен и поспешили бы посвятить свои новые творения нашей давней трещину семье, спасения все равно не было бы. Самолюбие – состояние души: или любишь и уважаешь собственную душу, самое себя, или затаптываешь, плюешь в нее.

По моему глубокому убеждению, ни один мужчина не стоит дороже той цены, которую мы, женщины, за них платим. Жена, готовая все простить мужу, несмотря на унижения и измену, вернуть домой, вновь разделить с ним супружеское ложе и фарисейски демонстрировать детям «семейный лад», сама падшая, более падшая, чем зарабатывающие на улице женщины. Их цель оправдана, это – бизнес. Когда же продаешь душу, продать вдобавок и тело – это как бонус к хорошей сделке!

По гороскопу я Скорпион, рождённый в год Петуха. Если не наступать мне на хвост, я миролюбива и ласкова, но не дай Бог меня тронуть. В этот момент я опасна и мстительна. Правда, от этого порока я пыталась избавиться всю жизнь, но безрезультатно.

Мольбы родителей с обеих сторон о сохранении семьи потерпели фиаско. Меня понимала только бабушка. Ее вердикт на поступок зятя звучал в привычной для нее манере: «Ваш сын мог сидеть на коне, а он залез ослу под яйца».

Эпатажная Еноховна часто прибегала к методу шокотерапии, имевшей довольно убедительный эффект. Единственное, о чем я думала, так это как уйти красиво. Финал, который должен был быть сильнее старта. После очередного скандала Нукри обратился к радикальным мерам, со словами «Ты никуда не уйдешь» хлопнул дверьми и обрезал в подъездном ящичке заранее приготовленным ножиком «Викторинокс» связывающий с миром телефонный провод.

Чувство мести мутило моё сознание. План был следующим: исчезновение с пятого этажа. Балкон семьи Чаганова был аварийным и достаточно накренившимся. Под ним зловеще выступали бетонные брусья, живое наследие пристроек лоджий. Прикрепив бельевую веревку к краю балкона, я стала медленно и осторожно скользить вниз.

На четвертом этаже жила очень милая и любимая мною армянская семья. По сей день у меня в глазах растерянное лицо дяди Ованеса, который увидел меня висящей на веревке, словно Маугли.

– Простите, у меня двери захлопнулись. Можно, я выйду от вас? – сказала я первое пришедшее в голову. Ответа я не получила. стакан чая в руках пожилого соседа заметно дрожал.

Когда мама увидела меня с содранной на руках кожей, а затем услышала мой рассказ, у неё прямо у порога подкосились ноги. Зато «враг» был повержен. Пораненные руки, потрясенный дядя Ованес и упавшая в обморок Манана – такова была цена, которую я заплатила за

этот реваншистско-акробатический номер. Но мне ещё предстояло попробовать увесистый кусок от сладко-кислого пирога «вендетты»

...Вернувшись домой, Нукри долгое время не мог выйти из состояния шока.

«Песочные часы»

Время было трудное, а растерзанную в клочья жизнь нужно было склеивать заново. Я категорически отказалась от возвращения в материнскую квартиру и считаю, что в тот момент это было одно из разумнейших моих решений. Я должна была научиться существовать независимо.

Согласитесь, в 90-е годы в Грузии в съемных квартирах жили только приезжие студенты из сёл, и мое решение снять квартиру поставило в тупик членов семьи. Они недоумевали.

— Отныне все решения я принимаю самостоятельно! Я и только я! — категорично заявила я и невольно подумала, что прежняя роковая ошибка моей матери давала новую реальность моему сегодняшнему дню. Или я начинаю новую независимую жизнь, или становлюсь похожей на ту серую массу, которой всегда кто-то управляет. Кукла-марионетка хороша только для одного спектакля, а после ее прячут в дряхлый, запыленный сундук, и кто знает, когда она еще увидит дневной свет, и увидит ли вообще.

Я не желала стать куклой на привязи, и не имеет значения, какой господин этой куклой манипулирует! Я была матерью маленького мальчика, которая должна обеспечить ему хорошее питание, образование и уход в «бесцеремонно» подорожавшей стране!

* * *

Государственный телерадиовещатель был именно той желанной компанией, где удовлетворялись амбиции любого человека. Известные и знакомые по телеканалам лица, медленно дефилируя, прогуливались по коридорам телевидения, смотрели на новобранцев свысока и как бы вторили вслед:

— Это место занято, пока наше время, которое продлится долго, очень долго...

До государственного телевидения я уже прошла школу двух частных компаний «Ибервизии» и «Тамариони». На «Ибервизии» вела развлекательно-познавательную передачу, а на «Тамариони» аналитическую программу на русском языке, которая в то время пользовалась большой популярностью. Моим напарником был Зураб Двали. Именно с ним мы еженедельно проходили по острому лезвию ножа, так как наши объективные сюжеты вызывали раздражение то у «Мхедриони», то у какого-либо высокопоставленного лица от власти. Сначала нас пытались купить, потом шантажировать, а затем и вовсе убрать. А мы не продавались, и всё...

По натуре необыкновенно теплый, но имеющий волевой характер, Зура после каждого неприятного события успокаивал меня: «Не бойсь, Морошкина, всех не перебьют», или «Нас мало, но мы в тельняшках». Позднее Зура стал моим другом на всю жизнь и человеком, разделяющим все мои жизненные невзгоды. Частные телекомпании «дышали на ладан», а меня с детства больше привлекала аура «аквариума» (из-за обилия стёкол, так называют здание телевидения. — Л.М.). В моем представлении у этого заведения имелся свой характерный запах, лицо и цвет, разумеется, обязательно светлый.

Каждый четверг с четвертого по восьмой класс я вела молодежную передачу «Изучаем русский язык». Автором и ведущим передачи была наша соседка, близкий друг бабушки и мамы известный теледиктор Ирина Матиашвили. Тётя Ирина хорошо знала о моих лингвистических наклонностях и поэтому настойчиво попросила бабушку привести меня на телевидение. Так я на долгие годы осталась на экране. Я и сегодня помню неповторимый вкус

творога и сметаны в столовой телевидения. А может, тогда мне все казалось необыкновенным, чистым, белым и сладким?

Короче говоря, твердо решив «захватить» эфир на первом канале, я во всеоружии направилась прямо в отделение информационной службы.

1994 год... Одна за другой закрываются частные телекомпании, хаос, мрак, длинные очереди за хлебом, холод, безысходность и дома, и на улице. Люди, похожие на призраков, словно питающиеся кровью собрата, теряют самое главное – НАДЕЖДУ! Повсюду боль, стоны и плач. Почти в каждом подъезде крышки от гробов, предупреждающие о беде. Новые кладбища, как грибы после дождя, выросшие в самом центре города, напоминают о потерях... Ушли в вечность борцы за свободу, вчерашние «мальчишки-сорванцы»: Ладос, Ремка, Вахо, Ираклий... и кто сосчитает, сколько еще ребят нашего поколения, ставших жертвами «игры в патриотов».

Несмотря ни на что, жизнь медленно и лениво, как бы нехотя, двигалась вперед.

Институт я окончила с красным дипломом и по настойчивой просьбе матери училась в аспирантуре. Но мы нуждались в ежедневном доходе, а я, вдобавок, в перспективной работе. Модные в то время кооперативы и разные акционерные общества меня не привлекали, поэтому я решила попытать удачу в любимой и знакомой с детства организации. Моя старшая подруга Лия Бурчуладзе была редактором «Моамбе». Лия – одна из тех редких грузинских женщин, которые, несмотря на трудности жизни, всегда хорошо выглядят, при любых обстоятельствах настроены оптимистично и абсолютно на каждую тему имеют свое компетентное мнение. Она, как хороший коньяк: крепнет с возрастом и растёт в цене.

– Мартышка (так она меня ласково называла), будет неплохо, если тебя увидит Мамука, – в один прекрасный день заявила мне Лия.

– Какой Мамука? – спросила я.

– Как какой? Арешидзе, директор информационной службы.

– Ведущий передачи «Добрый вечер»? Лия, ты что – прикалываешься? Кто меня примет без протекции? Не знаешь, что там творится?

– А вот это уже не твоё дело, завтра оденься посолиднее и приходи, я устрою встречу, а остальное – за тобой. – Лия была строгой и непоколебимой.

На следующий день она с пропуском в руке ждала меня в фойе телевидения и давала мне последние наставления:

– Слова не растягивай, не выделяйся, и еще – сейчас же вынь жевательную резинку изо рта!

Я беспрекословно повиновалась приказу «старшины» Бурчуладзе.

Мамука оказался милым человеком, от него веяло доброжелательностью.

– Очень приятно, сказал он, – Лия мне уже говорила о вас. Сейчас вы немного поправились, или это ваш обычный вес? – Вопрос был настолько шокирующим, что я с трудом выдавила звук. Мамука понял причину моего смущения. Нет, вы не так меня поняли, вы прекрасно выглядите, дело в том, что экран добавляет лишних килограммов восемь, поэтому я и спросил.

– Знаю, – пробормотала я, – у меня есть опыт работы на телевидении. Кстати, я вешу 56 кило при росте 172 сантиметра.

– Ладно, забудь, а ну-ка прочитай этот текст, – сказал Мамука, перешедший сразу на «ты», и протянул мне какие-то каракули.

– Что я здесь разберу? – Я не смогла спрятать свое недовольство.

– А как ты хотела, для тебя должна работать персональная машинистка? То так будет, а то эдак, – посмотрел Мамука поверх очков. – Время такое!

Несмотря на то, что Мамука ничего обнадеживающего мне не сказал, было ясно, что я произвела впечатление. Раз он так меня испытывал, значит, понравилась! Невероятно, я буду ведущей информационной передачи Первого канала!

– Каждый день по пять-шесть часов громкого чтения, потом придешь, и еще посмотрим. Ах да, работай над «ше», у тебя какое-то специфичное «ше». На каком языке вы разговариваете в семье?

– На русском, – сказала я.

– Ну тогда понятно. Короче, никакого русского, отвлеки слух, и жду тебя через неделю, и не ешь сладкого!

Вся следующая неделя прошла в занятиях и тренировках. Я вспоминала еще в школе изученные разговорные упражнения: «бдги-пткы, бдге-птке, птке, бдго, птко, бдгу, птку...»

– Молодец, уже лучше, – похвалил меня Мамука и позвал Лию. – Сегодня же в эфир ее.

– Куда? – безнадежно спросила я. – Меня? В эфир? Нет, нет, я пока не готова, нет, в другой раз. Вот завтра приду подготовленной, и потом я такая растрёпанная...

Но Лия и Мамука, погруженные в телевизионный хаос, похоже, меня не слышали.

Вечерняя аналитическая передача «Песочные часы» была личным ноу-хау Мамуки.

Над этой передачей трудились новоиспеченные журналисты, так что, если в то суровое время в эфир и пролезала «лишняя правда», это сразу же сваливалось на молодой коллектив. Прорвавшимся в студию недовольным «пострадавшим» Мамука объяснял: «Что делать, юные они, несмышлёные и учатся еще, не убивать ведь?» Среди «прорвавшихся» лидировал нынешний государственный министр Грузии Георгий Барамидзе – с европейской внешностью, но с комсомольской душой, который постоянно протестовал против критики в адрес «Союза граждан» и требовал незамедлительно наказать строптивых журналистов.

Несмотря на то, что я «собаку съела» в телевизионной сфере, дебют меня все же очень волновал: во-первых – на грузинском, во-вторых – на государственном канале, да еще в таком коллективе. Вдруг ошибусь? Позор на весь мир!

Время перед эфиром тянулось нескончаемо. У меня, обнаженной до нервов, так вспотели ладони, что на тексте смазались чернила. Вот уже в который раз я говорила себе: «Ты сможешь, а нет – останешься так, будешь работать где-нибудь продавцом или станешь на всю жизнь любовницей какого-нибудь пузатого мешка с деньгами». Не знаю, то ли далеко не эстетичная картина с пузатым дядечкой, то ли торговля у прилавка показались уж очень не заманчивой перспективой, в общем, худо-бедно, эфир состоялся. Не помню ни единого слова, сказанного тогда.

На выходе из студии меня ждали явно довольные Лия и Мамука. Лия забрала у меня текст и хлопнула меня им по голове.

– Поздравляю, Мартышка, только в следующий раз не говори «железная роза»! – сказала Лия победоносно. Шутка ли? Ее протее оказалась годной!

– Что за «железная роза»? – растерянно спросила я.

– Выражение такое – «железный занавес» – то есть преграда, а не «железная роза», – терпеливо объяснил мне Мамука, и это было первым в моей жизни, но далеко не последним арешидзевским разъяснением. (Тут игра слов: по-грузински «роза» и «занавес» звучат похоже – «варди» и «парда». – Л.М.)

Талес

1996 год – один из самых тяжелых на моей памяти. Это был год потерь и отчаяния. Хмурые тучи сгущались повсюду: в стране, на работе, дома и, конечно, в душе. Я часто думаю, что судьба посылает нам такие периоды для очищения и для проверки нашей твердости. В зависимости от того, насколько стойко и непоколебимо встретишь испытание, зависит твое будущее существование в этом мире.

Политическая обстановка в стране, в частности, отношения с Россией, были постоянно изменчивыми и шаткими. Таковым было и мое пребывание в телевизионной сфере. Несмотря на то, что я всегда и по менталитету, и по языку считала себя грузинкой, моя фамилия все-таки вызывала у некоторых чувство неприязни. Наверное, это происходило из-за тех комплексов, которые диктовала их провинциальная сущность. Но факт оставался фактом, я становилась жертвой российско-грузинских отношений.

Мотив был четким: «Не время играть на нервах населения вражеской фамилией! Информационный выпуск должен вести носитель грузинской фамилии!» По статистике, Грузия на первом месте по числу изменённых фамилий. Когда думаю, сколько вокруг меня людей на самом деле имеют негрузинское происхождение, завуалированное «арийскими» фамилиями, получается довольно-таки впечатляющая картина. Какой фарс!

Для меня, как для уважающего свои корни, род и генетику человека, такая сделка была неприемлемой и более того – оскорбительной. За что и попадало. Как известно, «бьют по лицу, а не по паспорту».

Короче, итог был одним и тем же, – я, как правило, оставляла эфир в ожидании «лучшего» времени. Так что конфликты в российско-грузинских дипломатических отношениях не раз становились причиной моих личных проблем.

Представьте себе, в развитой стране, например в Америке, дисквалифицируют ведущего – этнического еврея только по той причине, что в секторе Газа опять беспорядки, или после манифестации выходцев из Африки во Франции накажут чернокожего ведущего! Каково? Но у нашей страны, наверное, ни в 1996 году, ни сейчас, вопреки великим историческим примерам, нет и даже не было претензий на совершенную толерантность и существование гражданского общества. Лично я прощаю моих «инквизиторов», тем более, что все произошедшее только усиливало во мне заряд свободы и справедливости.

В марте того злосчастного 1996 года я шла работать в вечернем эфире, когда по дороге встретила Мамуку Арешидзе.

– С сегодняшнего дня у нас новый главный редактор, он спрашивал о тебе, так вот – тебя ждет серьёзный разговор. Кстати, он интересовался, имеется ли у тебя «крыша», ну, в смысле, покровитель.

– Да ну его... А ты куда собираешься?

– Пока не знаю, – Мамука был печальным и по обыкновению лаконичным. – Наверное, в депутаты.

– Заходите, заходите, – встретил меня новый шеф. – Морошкина, что скажешь нового?

– Ничего, – холодно ответила я и, чтобы не помять пиджак для эфира, повесила его на спинку кресла.

– А что ты скажешь на то, если я переведу тебя на сюжеты?

– Почему? Над сюжетами я работала пять-шесть лет назад в «Тамариони» и «Иберви-зии», для меня этот этап уже пройденный и безынтересный, а еще меня совсем не привлекает беготня с микрофоном по улице при не особенно спокойных обстоятельствах. Или студия, или я ухожу, я не могу весь день слоняться на улице. – Это был мой ультиматум.

– Смотри, какая ты бойкая, вах! Переходи на сюжеты, говорю тебе, потом усовершенствуй речь, а со временем я тебя возвращу назад.

Предложение было «впечатляющим» и довольно двусмысленным.

– Я должна исправить речь? – грубо спросила я нового шефа.

– Да, иначе мы сейчас же распрощаемся, – таким же тоном ответил мне голос из кресла. – У тебя, генацвале, русский акцент, и точка!

– Откуда взяться русскому акценту в грузинской школе? – не отставала я. – Да вы знаете, когда моя сочинская тётя слышит мою русскую речь, она себе уши затыкает, а вы говорите – акцент!

– А вот это меня абсолютно не интересует! – ответил главный редактор.

Приговор пересмотру не подлежал!

– С сегодняшнего дня будете иметь дело с моим адвокатом, о своем провинциальном акценте позаботьтесь, – бросила я и громко хлопнула дверью.

Какой адвокат? Откуда? Вот оно, влияние голливудских фильмов, но не могла же я сдаться без боя? Я точно знала, что для меня, однажды уволенной за акцент, причём русский, двери телевидения закрылись бы навсегда. Начиналась борьба, острейшая борьба за сохранение собственного «Я»! В руках же, как Фемида с завязанными глазами, я держала лишь только свою боль и правду.

После многоразового просмотра блокбастеров и консультаций с друзьями я направилась к адвокату.

Еврейского происхождения, хрупкого телосложения и с пронизывающим взглядом адвокат в роговых очках внимательно выслушал меня.

– Дело выигрышное, удивительно, что у меня не было подобной практики в Грузии, но почему бы не попробовать? Если вы готовы к борьбе и не остановитесь посреди дороги, пожмем друг другу руки и сразу же перейдем к делу. От вас требуются две вещи: справка из театрального института насчет правильности речи и справка из Организации защиты прав человека, остальное – за мной. В трудовом договоре нарушено несколько пунктов, шанс есть! – деловито сказал господин Симон и с головой погрузился в бумаги.

Я остолбенело смотрела на адвоката: вот какую профессию мне нужно было выбрать! Как классно – защищать закон! Жизнь каждого спасенного человека – это твоя личная победа!

Как оказалось, господин Симон был из династии знаменитых адвокатов, и практику он прошел, ни больше ни меньше, в Америке.

Я поняла, что пришла по адресу.

Господина Гизо Жордания, ректора театрального института и общественного деятеля, моя просьба удивила.

– Лали, детка, не понимаю, что за справка тебе нужна? Столько лет ты на экране, и если бы у тебя был акцент, кто бы тебя держал до сих пор, тем более такой профессионал, как Мамука Арешидзе, – пожал он плечами.

– Господин Гизо, именно для подтверждения этого мне и нужна справка, официальная, с вашей печатью, я должна отнести ее к адвокату.

– Эта девочка меня с ума сведет, на таком грузинском, как у тебя, даже исконные грузины не говорят.

– Вот и напишите мне все это, господин Гизо. Что сейчас сказали, то и напишите, – объясняла я маэстро, злясь на себя: из-за какой глупости беспокою такого человека. Но ожидание мести было настолько сладким, что временный дискомфорт становился второстепенным.

С желанным «жорданиевским» выводом я направилась в Комитет защиты прав человека на улицу Павлова. Господин Сандро Кавсадзе был симпатичным, усатым, худощавым мужчиной средних лет. Он не меньше господина Гизо удивился моей просьбе.

– Написать, что гонение по этническому признаку незаконно? Да, но, детка, кто в этом сомневается? – спросил господин Сандро и посмотрел на меня поверх очков.

– Есть, господин Сандро, и такие, – пожала я плечами.

– Ну, а если есть, госпожа Морошкина, пусть ознакомятся с международными нормами, – строго сказал господин Сандро и протянул мне желанный документ.

Двусторонне вооруженная, я направилась к адвокату, который уже вызубрил статью о незаконных нарушениях, в частности, об обязательных предупреждениях, о беспричинном расторжении трудового договора и т. д. . . В общем, дело было почти «в шляпе», почти. . .

Известно, что бюрократический аппарат 90-х не отличался особой гибкостью. Меня же впереди ждало столько проблем, что телевизионный эфир по сравнению с ними казался детским лепетом. . .

Мартовский холод пронизывал до костей, погода будто понимала, что этот мир покидает пламенный патриот – человек, вырастивший меня. . .

Встречали ли вы доброго волшебника? Доводилось ли вам жить с ним под одной крышей?

Мама и Талес познакомились в педагогическом институте, где оба читали лекции. Оказывается, когда я в первый раз увидела Талеса, обняла его, и меня не смогли от него оторвать. Рубашка, промокшая от моих слез, как бетонная прилипла к его телу.

Талес был вынужден прийти к нам домой, прийти и остаться навсегда. Он был моим избранником. Между нами существовала особенная невидимая связь. Я чувствовала его, а он – меня. Потом на свет появился златокудрый Эрэкле. Мой брат, мой маленький рыцарь. Я всегда стеснялась Талеса, но это не было неудобством, это было благоговением и уважением, которое я испытывала к нему.

Я часто думала, если бы я жила с отцом, какие отношения у нас были бы? Отношения, гармоничнее, чем эти, представляются с трудом. Одно знаю точно: то, что я и душой, и сердцем грузинка, заслуга Талеса Шония. За то, что я впитала историю, религию, культуру Грузии, люблю и преклоняюсь перед всем этим – волшебство, содеянное сыном Кавказских гор!

Несмотря на то что во многих связанных со мной жизненных перипетиях Талес из-за присущей ему тактичности не высказывал свое мнение вслух, я понимала, о чем он думал по его дыханию, манере курить трубку и шепоту: «Мордочка, все в порядке?» – Его мнение всегда было дорогим и важным для меня. И кто виноват, что у меня постоянная размолвка с жизнью.

– Береги себя, несколько дней не выходи из дому, – деликатно говорил он, и это было предостережением, что меня ждала какая-то опасность.

– Дядя Талес, скажите нам тоже, а что нас ждет? Что будет? – не успокаивались мои подруги, влюбленные в Талеса по уши.

– Идите отсюда, оборотки, вы ведь знаете, что все трое будете самыми счастливыми женщинами, – с улыбкой и терпением отвечал Талес.

– Нет, нет, нас интересуют детали, – ныли избалованные вниманием Талеса Кети и Марикуна.

Нетерпеливость, наверное, спутник юного возраста. Талесу, видно, на роду было написано постоянное наше занудство то дома, то на экскурсии, а то на яхте, которую он построил собственными руками, которая стояла на Тбилисском море и часто принимала нашу шумную компанию.

Распад моей семьи был шоком для Талеса, тем более что Нукри он любил как собственного сына. Сандро, мой старший сын, вырос у него на руках, и Талес никогда его не отличал от собственных внуков.

Дело в том, что первая жена у Талеса умерла очень рано, и его старшая дочь Марина Шония росла у матери Талеса, педагога химии, аристократки по крови калбатони Тамары. Я и Марина с первой же встречи полюбили друг друга. А что нам было делить? У нее не было матери, а у меня отца. Положительным зарядом этих безукоризненных отношений во многом была моя мать, которая никогда нас не разделяла.

Подросший Сандрик был очень шаловливым и беспокойным ребенком. Одно его озорство закончилось тем, что он сильно повредил глаз щепкой от шишки. Вердикт врачей был удручающим: или срочная операция в Москве, или слепота, сначала одного глаза, а потом и другого.

На следующий день я, мама и Сандро уже летели в Москву в офтальмологическую клинику имени Германа фон Гельмгольца.

В Гельмгольца нас встретили холодно и грубо. Решение квалифицированных врачей было таким: срочная операция. Согласно распорядку, заведенному в клинике, родителям не разрешалось оставаться в палате. Так что мне обошлась в довольно крупную сумму предоперационная ночь с Сандро, который не мог и двух слов связать по-русски.

Известно, что в 90-е годы мобильные телефоны были большой редкостью, поэтому нашим единственным средством связи с внешним миром стала дряхлая телефонная cabina на первом этаже клиники. Манана ждала нас в гостинице «Пекин», а в Тбилиси тыл укрепляли бабушка Нана и Талес.

– Дай мне поговорить с Сандриком, – сказал мне Талес, узнав об операции.

– Ну что, парень, ведь не боишься? – спросил он.

– Нет, бабу (по-грузински «деда». – *Л.М.*), – отвечал Сандрик храбро, – вообще-то эти русские очень странные.

– Что случилось, не можешь объясняться с ними на грузинском? – смеялся Талес.

– Не могу, ничего не понимают-то! – отвечал Сандро.

– Мальчишка, сможешь всю ночь говорить со мной по телефону? – спросил Талес у Сандро.

– Да, бабу, все равно спать не хочется.

Тогда скажите маме, чтобы не нервничала, и позвоните мне ровно в 12 часов.

Сказанное Талесом показалось мне немного странным, но ведь странности были кредо моей семьи.

– Что он, с ума сошел? – прокомментировала мама. – Хотя, не знаю... Ему видней.

Зато утром нас ждало чудо.

– Не может быть, – твердили врачи и сменяли друг друга с медицинскими инструментами у левого глаза Сандро.

После сорокаминутной суеты главврач клиники извинился и сказал нам, что, по-видимому, они ошиблись, ребенок здоров, и мы можем забрать его.

Мама ждала нас в коридоре.

– Мам, нас отпускают, говорят, что операция не нужна, – растерянно сказала я.

– Как? А говорили ведь, срочная операция, что повредится и второй глаз? – удивилась Манана.

– О-о, поболтаете в гостинице, заодно по дороге зайдем в «Макдоналдс», и купите мне «Лего», – сказал довольный жизнью Сандро. – Мам, ты же обещала!

– Талес? – синхронно посмотрели мы с мамой друг на друга.

– Да! – подмигнул нам Сандро совершенно здоровым глазом.

– Что, да? Что он тебе сказал?

– Ничего, до первого луча солнца читал молитвы, – ответил Сандро и рассмеялся во весь рот, обнажив белоснежные зубы, не зря мои друзья и по сей день зовут Сандро «Крокодиллом». – Ну пошли в «Макдоналдс»? – зудел новоисцелённый.

Общение с Талесом частично вынуждало терять иммунитет к жизни, все и так было ясно как Божий день. «Туда не иди», «вот сейчас время», «немного торопись», «лучше на следующей неделе», и кто знает, сколько было подобных предупреждений. В тот момент кажется, что иммунитет – твоя привилегия, он всегда защитит тебя, но...

Мама затеяла генеральную уборку дома.

Вытряхивалось все: ковры, кресла, занавеси и даже наши карманы. Во время одного такого вытряхивания выпала записная книжка Талеса и «заманчиво» раскрылась. А ну-ка, скажите, какая жена пройдет равнодушно мимо раскрытой записной книжки мужа? Сам Бог велел! Моя мама не была исключением.

– Лалико, ты не представляешь, что я тебе должна сказать, – услышала я в телефонной трубке дрожащий голос Мананы.

– Что случилось, мама? – спросила я, напряженная после тирады Мананы.

– Он уходит куда-то далеко, не знаю, куда и с кем.

– Кто? Куда? – Начинать разговор с середины было стилем Мананы, остальное надо было понимать чутьем.

Талесико уходит! У него в записной книжке написано: «В марте 1996 года у меня большая встреча, я прощаюсь со всеми!» – Манана была в отчаянии. – Представляешь, я за ним ухаживаю, глажу сорочки, стираю носки, а он уходит, – не успокаивалась она. – Все мужчины сволочи!

– Ладно, ну мам, наверное, просто так написал, – сказала я ей, – этакий плод фантазии.

– Да ты вечно его защищаешь. Значит, мне кажется? – Манана всегда была объектом наших шуток, ее русский акцент и своеобразный сленг постоянно становились предметом всеобщего веселья.

Помню, однажды вернувшегося с телепередачи Талеса на пороге встретила заплаканная Манана.

– Ну почему вся Грузия должна была узнать, что ты видел голую Циури? Почему? За что мне такое наказание? – упрекала Манана Талеса, захлебываясь слезами.

– Какая Циури, Манчо, ты в своем уме? – говорил удивленный Талес.

– А что ты все твердил, «циури схеулеби, циури схеулеби»? (Игра слов. Циури схеули, переводится и как «тело женщины», и как «тела небесные». – Л.М.)

– Манчо, это совсем другое! – задыхался от смеха Талес. – Это тела небесные, женщина!

В 1994–1995 годах Манана, Талес и Эркле переехали в Германию, в Берлин. Талес читал лекции и в то же время участвовал в опытах, проводимых на немецкой военной базе. Я и Сандро часто навещали покинувшую страну семью. Трудные для Грузии годы мы провели сравнительно легко, частично в дороге. В конце года Манана и Эркле вернулись.

– Не можем без тебя, а еще Талес не соглашается на предложенные условия, представляешь, нас оставляют на немецкой базе, зарплата большая, да и квартира в Берлине, только с тем условием, что мы не вернемся в Грузию никогда! Он отказался. Мы отказались. Не хотим без Грузии!

* * *

Самолёт из Берлина как всегда задерживался. Наконец, после 8 – 9-часового ожидания объявили наш рейс. В то время при наличии знакомых в аэропорту можно было встречать

пассажира прямо у трапа. Люди с багажом, пакетами «дьюти фри» и всяким скарбом сменяли друг друга. Талес опаздывал. Манана нервно накручивала круги по аэропорту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.